

Л. П. Лашук: становление ученого (к столетию со дня рождения)

Жеребцов И. Л.*, Саблин В. А.**, Тяпин И. Н.**

* ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,

г. Сыктывкар

**Вологодский государственный университет,

г. Вологда

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

sablin@inbox.ru

i.n.tyapin@mail.ru

Аннотация

В статье дан краткий обзор жизни и деятельности видного российского этнографа Льва Павловича Лашука в период учебы в Московском государственном университете и работы в Коми филиале Академии наук СССР (КФАН СССР). Одной из важных тем, которые поднял во время работы в г. Сыктывкаре Л. П. Лашук, была проблема определения критериев для выделения различных «историко-этнографических групп». В приложении опубликован не издававшийся ранее текст Л. П. Лашука «Этнографические (хозяйственно-культурные) районы края Коми». В статье также приведена информация о работе в КФАН СССР его первой супруги этнографа О. Н. Воздвиженской и о протестной акции, которую намеревался осуществить в г. Сыктывкаре его сын Н. Л. Лашук.

Ключевые слова:

Лев Павлович Лашук, этнография, этническая история, Коми филиал АН СССР, коми-зыряне, историко-этнографические группы, культурно-хозяйственные типы, О. Н. Воздвиженская

Лев Павлович Лашук – один из организаторов этнографических исследований в Коми республике, 10 лет проработавший в Коми филиале АН СССР и внесший огромный вклад в изучение этнической истории и традиционной культуры народа коми.

Л. П. Лашук родился 7 декабря 1925 г. в с. Песочня¹ Бежецкого уезда Брянской губернии [1, л. 4]. В автобиографии, написанной 24 мая 1950 г., о детских годах Л. П. Лашук кратко сообщил следующее: «Родители мои происходят: отец – из крестьян, мать из рабочих. Основная профессия отца техник-землеустроитель, а затем и в настоящее время лесной работник, мать – домашняя хозяйка. Раннее детство проведено мною в различных районах Подонья, где отец мой работал в качестве земле-

¹ Ныне – деревня Песочня в Карачевском районе Брянской области, административный центр Песоченского сельского поселения. В публикациях о Л. П. Лашуке это название, как правило, указывается с ошибками: Песочная или Песочное.

L. P. Lashuk: becoming a scientist (to the 100th birth anniversary)

Zherebtsov I. L.*, Sablin V. A.**, Tyapin I. N.**

* Institute of Language, Literature and History, Federal Research

Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS,

Syktывkar

** Vologda State University,

Vologda

zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

sablin@inbox.ru

i.n.tyapin@mail.ru

Abstract

The paper provides a brief overview of the life and work of the prominent Russian ethnographer Lev Pavlovich Lashuk during his studies at Moscow State University and work at the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences. One of the important topics that L. P. Lashuk raised while working in Syktывkar was the problem of defining criteria for distinguishing various “historical and ethnographic groups.” The appendix contains a previously unpublished text by L. P. Lashuk “Ethnographic (economic and cultural) regions of the Komi territory.” The paper also provides information about the work of his first wife, ethnographer O. N. Vozdvizhenskaya, in the Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, and about the protest action that his son N. L. Lashuk intended to carry out in Syktывkar.

Keywords:

Lev Pavlovich Lashuk, ethnography, ethnic history, Komi Branch of the USSR Academy of Sciences, Komi-Zyryans, historical and ethnographic groups, cultural and economic types, O. N. Vozdvizhenskaya

мера. В 1931 году моя семья переехала в Москву и затем в г. Дмитров Московской области, где проживает и по сей день, и где мною окончен полный курс средней школы» [там же, л. 6, 9].

Когда началась Великая Отечественная война, его отец ушел добровольцем на фронт, до конца войны находился в армии, «по окончании войны работает лесным техником в Коммунистическом районе Московской области» [там же]. Сам Л. П. Лашук в армии не был: «На военную службу я призывался в 1942 году, но по состоянию здоровья был признан негодным к несению военной службы со снятием с воинского учета. В 1943 году я был вновь принят на учет и признан годным к физическому труду, но в связи с тем, что в это время я заканчивал десятый класс, мне была предоставлена отсрочка от мобилизации» (на трудовой фронт) [там же]. В июне 1943 г. Л. П. Лашук, еще будучи школьником, начал работать: «По рекомендации парткабинета меня приняли на работу в редакцию рай-

онной газеты "Ударник" в качестве корреспондента-литработника» [там же, л. 6]. «В 1943 году в октябре месяце Дмитровским райкомом комсомола <...> принят в члены ВЛКСМ» [там же].

20 июня 1944 г. началась работа Л. П. Лашука на трудовом фронте: «В июне 1944 года я окончил Дмитровскую среднюю школу, а спустя несколько дней был направлен райвоенкоматом на работу в Москву в системе Особого строительного-монтажного управления № 14. Здесь я работал вначале землекопом, плотником и слесарем, а затем был назначен сотрудником отдела кадров в качестве уполномоченного по мобилизации рабочей силы» [там же] и трудился на этой должности до 1 апреля 1945 г. [там же, л. 4 об.]. «В апреле 1945 года по личному желанию и путевке Бауманского райкома комсомола был направлен на строительство газопровода Саратов – Москва и до сентября 1945 года работал в 6-м тресте Мосгазстроя землекопом и слесарем» [там же, л. 6] (с 4 апреля по 31 августа 1945 г. [там же, л. 4 об.]).

Осенью 1945 г. начался путь Л. П. Лашука в науку: «В сентябре 1945 г. я поступил учиться в Московский государственный университет, <...> прошел пятилетний курс обучения по кафедре этнографии при историческом факультете. Узкую специализацию получил по финно-угорским народам СССР, дипломную работу написал на тему "Основные этапы этнической истории коми"²» [там же]. Его научным руководителем был видный этнограф и антрополог Н. Н. Чебоксаров (1907–1980), один из организаторов преподавания этнографической науки в МГУ, в то время – доцент исторического факультета (читавший, в частности, лекционные курсы «Этнография Австралии и Океании» и «История материальной культуры славянских народов») и одновременно заведующий отделом Европы Института этнографии АН СССР [3, 4], автор работы «Этногенез коми по данным антропологии» [5]. Н. Н. Чебоксаров являлся также научным руководителем начинающего коми этнографа Л. Н. Жеребцова (1925–1991), готовившего в 1949–1952 гг. кандидатскую диссертацию по народному жилищу коми [6]. Это способствовало знакомству Л. П. Лашука и Л. Н. Жеребцова и положило начало будущим их совместным исследованиям 1950–х гг. [7].

В характеристике Л. П. Лашука от 28 апреля 1950 г. отмечено, что он «за время пребывания в университете показал себя как серьезный и способный студент, упорно овладевавший своей специальностью. Принимал активное участие в работе семинаров по социально-экономическим дисциплинам. Его доклады на II курсе и курсовая работа на IV курсе были выдвинуты на конкурс лучших студенческих работ» [1, л. 25]. Сам Л. П. Лашук в автобиографии писал, что «с 1947 года состоял членом научного студенческого общества и на конкурсе лучших студенческих работ дважды получил премию: за работу на тему «К вопросу о Биармии» и за работу «Этнокультурные связи Прикамья» [там же, л. 9]. Будучи студентом, он «принимал уча-

стие в двух экспедициях: исторической в 1946 году и Северо-Великорусской в 1949 году» (из характеристики от 28 апреля 1950 г.) [там же, л. 25]. В автобиографии Л. П. Лашук отметил, что «в 1949 году принимал участие в Северо-Великорусской экспедиции, материалы которой легли в основу статьи "Вепсы", <...> написанную мной для 2-го тома многотомника "Народы мира" (издание Института этнографии АН СССР)» [там же, л. 6]. Комплексная Северо-Великорусская экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством Г. С. Масловой работала в Архангельской области (в бассейне р. Онеги и районе Кенозера) в 1948–1949 гг. Ответственным редактором серии «Народы мира» являлся Н. Н. Чебоксаров. Статья Л. П. Лашука, которую он датировал 1950-м г., осталась в рукописи (1 а. л.) в фонде Института этнографии АН СССР [там же, л. 11].

Л. П. Лашук отметил в автобиографии, что «во время пребывания в университете не имел никаких взысканий», активно занимался общественной работой: «входил в состав редколлегии курсовых и факультетской газеты, был агитатором, читал лекции на общественно-политические и исторические темы на различных заводах и предприятиях Москвы» и Подмосковья [там же, л. 6, 9]. В упоминавшейся уже характеристике также отмечено, что Л. П. Лашук «на I курсе работал в редколлегии курсовой газеты, на II и III курсах – в редколлегии факультетской газеты в общежитии, на IV и V курсах работал лектором. Принимал участие в общественной жизни кафедры» [1, л. 25].

Во время учебы Л. П. Лашук женился на своей однокурснице Ольге Николаевне Воздвиженской, по любопытному стечению обстоятельств родившейся в Саратовской области (г. Вольске) [8, л. 3] – там, откуда тянулся в Москву газопровод, на строительстве которого работал в 1945 г. Л. П. Лашук. О. Н. Воздвиженская тоже специализировалась на кафедре этнографии, по севернорусским районам, одну из курсовых работ писала на тему «Русские на Печоре», дипломную – на тему «Семейный и общественный быт колхозников Заонежского района Архангельской области». Вместе с Л. П. Лашуком она участвовала и в Северо-Великорусской экспедиции 1949 г. [там же]. У них родился сын Николай. Жила молодая семья в Москве на ул. Стромынка, 32, в комнате № 542. Судя по всему, условия жизни были непростые: в характеристике О. Н. Воздвиженской 1950 г. говорится: «Учебный план выполняла своевременно, несмотря на трудное семейное и материальное положение» [там же, л. 9].

Л. П. Лашук и О. Н. Воздвиженская окончили МГУ в июне 1950 г., получив «квалификацию научного работника в области исторических наук, преподавателя вуза и звание учителя средней школы» [1, л. 16]. Они планировали устроиться на работу в Коми филиал АН СССР. Л. П. Лашук (возможно, при помощи Л. Н. Жеребцова) установил контакт с Н. И. Шишкиным, заместителем директора и фактическим руководителем КФАН СССР, который высказал свою заинтересованность в квалифицированных этнографах. Однако выпускников МГУ поначалу отправили на преподавательскую работу в Дмитровский район Московской области, в д. Парамоново близ станции Турист Савеловской железной дороги.

² В характеристике Л. П. Лашука от 28 апреля 1950 г. дано иное название: «Культурные отношения русских и коми по данным этнографии» [1, л. 25]. Возможно, это был первый вариант названия работы. Оценка дипломной работы Л. П. Лашука дана в публикации Н. П. Мироновой и В. В. Карлова [2].

В течение месяца Л. П. Лашук добивался в министерстве разрешения на распределение в Коми филиал АН СССР. 11 августа 1950 г. он написал Н. И. Шишкину: «Наконец-то наши длительные хлопоты увенчались успехом. Только что получил в министерстве путевки с назначением в Коми филиал. Но теперь наступает беспокойство иного рода. Не передумали ли Вы за этот месяц, и по-прежнему ли мы желанные гости в Сыктывкаре? Ответьте на этот вопрос экстренно (ох, уж и замучили мы Вас этой экстренностью!). <...> Как только мы получим положительный ответ, сразу же закажем билеты и числа 20-го прибудем в Сыктывкар. Очень жаль, что мы потеряли столько времени на хлопоты, которых можно было бы избежать, не будь министерство столь тяжелым на подъем». «Если все в порядке, то посодействуйте <...> обеспечению нас квартирой еще до нашего приезда, так как мы сразу же берем с собою нашего сына» [там же, л. 35].

Л. П. Лашук в том же письме также отметил: «Я даром времени не терял и целый месяц работал над вопросами истории и этнографии коми. Немало думал и писал и по поводу науки, и по поводу Биармии и "Перми", и по поводу коми-вепских языковых параллелей, и еще о многом другом. Мне кажется, что уже имеющийся этнографический материал неоспоримо свидетельствует об автохтонности коми, ибо отдельные элементы их материальной культуры в своем генезисе восходят чуть ли [не] к культурным традициям неолитических охотников и рыболовов Вычегодского края» [там же].

Н. И. Шишкин по-прежнему готов был принять этнографов на работу. 26 августа 1950 г. Л. П. Лашук получил в МГУ направление в Коми филиал АН СССР [1, л. 29], молодая семья приехала в Сыктывкар, поселившись в деревянном доме № 26 на ул. Коммунистической, квартира 14 [там же, л. 8 об.] (этот дом, уже не существующий, стоял во дворе нынешнего гуманитарного корпуса Коми НЦ УрО РАН, построенного четверть века спустя и носящего тот же номер 26). 1 сентября 1950 г. они были зачислены на работу младшими научными сотрудниками сектора языка, письменности и истории (приказ от 6 сентября 1950 г.) [1, л. 3; 8, л. 3].

Первые четыре года работы Л. П. Лашука в Коми филиале АН СССР были заполнены, главным образом, работой над кандидатской диссертацией, посвященной этнической истории Печорского края. Он собирал полевой материал в экспедициях на Печору, изучал разнообразную литературу, работал в архивах. О. Н. Воздвиженская также планировала подготовить диссертацию по Печорскому краю, но по советскому периоду – о культуре и быте коми колхозного крестьянства (первоначально планировалось рассматривать всю территорию республики, но позднее тему сузили), совершила три экспедиции для сбора материалов [8, л. 10]. Л. П. Лашук оказывал ей помощь, и первая его публикация была сделана совместно с супругой: «О некоторых вопросах этнографического изучения колхозного крестьянства» [9]. Параллельно они участвовали в подготовке «Очерков по истории Коми АССР», писали другие работы [1, л. 11; 8, л. 6; 10]. Л. П. Лашук был в числе тех сотрудников, которым 17 декабря 1952 г. приказом по Коми филиалу АН СССР решено было «за успешное вы-

полнение тематического плана и полевых исследований в 1952 г. объявить благодарность и выдать денежные премии» [1, л. 36].

В 1953 г. начались служебные неурядицы у О. Н. Воздвиженской. 20 марта 1953 г. был издан приказ по Коми филиалу АН СССР, в котором говорилось: «В целях ликвидации семейственности в секторе языка и истории (непосредственное подчинение жены мужу по работе) и из-за невозможности использования по специальности в других секторах освободить с 1 мая 1953 года от занимаемой должности» О. Н. Воздвиженскую [8, л. 15]. Видимо, дело было не только в «семейственности», но и в том, что О. Н. Воздвиженская как исследователь себя не проявила: «При просмотре собранного [ею] материала выяснилось, что материалы полностью не охватывают тему; кроме того, их крайне недостаточно (совсем нет зарисовок, фотографий). Собранный материал сдан в фонд. К изложению материалов по своей теме О. Н. Воздвиженская не приступила»; написанная ею статья «Культурный облик и быт колхозного коми крестьянства», по заключению рецензентов, «имеет ряд недостатков, недостаточно серьезная и в настоящее время ценности не имеет» [там же, л. 10]. Позднее, в характеристике 1955 г., говорилось, что она «за период работы в отделе показала, что самостоятельную работу вести не может. <...> В результате тема Воздвиженской "Культурный облик и быт коми народа за советские годы", после двухлетней работы над ней, в 1952 году была снята с плана работы отдела»; «истинной причиной ее увольнения являлось недобросовестное отношение к работе, выражавшееся в неуплотненности рабочего дня, занятие другими делами в рабочее время (подготовка к лекциям и т. д.)» [там же, л. 27].

14 мая 1953 г. срок «освобождения» О. Н. Воздвиженской перенесли на 1 июня 1953 г. [там же, л. 16], 11 июня 1953 г. издали приказ об увольнении с 16 июня [там же, л. 17]. О. Н. Воздвиженская с этим решением не согласилась, обратилась в Совет филиалов Академии наук СССР. В августе 1953 г. в Совете филиалов АН СССР, по ее словам, был «решен вопрос о моем переводе <...> в архив филиала» [там же, л. 21]. В сентябре 1953 г. с разрешения руководства КФАН СССР О. Н. Воздвиженская работала в «архивном институте» в Москве; по возвращении в Сыктывкар выяснилось, что приказ о ее увольнении не изменен, а в архиве Коми филиала нет вакансии. 16 октября 1953 г. О. Н. Воздвиженская обратилась в расценочно-конфликтную комиссию КФАН СССР с просьбой восстановить ее на работе, отметив, что в момент увольнения была беременна (дочь родилась в начале 1954 г.), а затем в суд. В конечном итоге 2 декабря 1953 г. был издан приказ по Коми филиалу АН СССР: «Во исполнение решения народного суда <...> восстановить на работе в филиале с 4 ноября с/года <...> и согласно указанию Совета филиалов АН СССР перевести ее на должность научно-технического работника» (заведующего архивом) [там же, л. 18, 27].

22 октября 1953 г. на заседании сектора Европы Института этнографии АН СССР состоялось предварительное обсуждение диссертации Л. П. Лашука. «Участники обсуждения оценивали его работу в целом весьма положи-

тельно, хотя указывали на отдельные недочеты» [1, л. 22]. Л. П. Лашук поработал над текстом, и 2 мая 1954 г. д.и.н., проф. С. А. Токарев констатировал: «Большинство этих недочетов автором теперь устранено. <...> Имеются отдельные недостатки. <...> Местами излишне категоричный тон в вопросах, требующих большей осторожности. <...> Повторения, <...> местами растянутое изложение. <...> Нет пока историко-этнографических карт, приложение которых к работе надо считать <...> необходимым. <...> Эти мелкие недочеты автор без труда выправит при окончательной подготовке текста».

Рецензент рекомендовал диссертацию к защите, отметив: «Работа Л. П. Лашука представляет исследование, очень интересное прежде всего по своему типу. "Этническая история" той или иной страны, области, народа – один из очень важных типов исследований, до сих пор у нас еще новый. У нас есть историко-этнографические монографии или очерки об отдельных народах, есть истории отдельных национальных республик, – но в них меньше всего говорится собственно об этнической истории народа или смешанной по этническому составу территории. <...> Для того, чтобы превратить <...> этнографию в подлинную историческую науку, <...> нам нужна серьезная разработка самостоятельных историко-этнографических проблем. В числе же этих проблем исследования этнической истории занимает – или должно занять – видное место. Печорский край принадлежит к числу областей, этническая история которых особенно интересна. Он мало изучен и даже трудно доступен. <...> Но там происходили и происходят чрезвычайно интересные для этнографической науки процессы: и сравнительно позднее заселение края человеком, и древние этнические связи, и образование на глазах истории новых этнических групп (подразделений русского и коми-зырянского народов), и сложные взаимоотношения между ними, и развивающийся сейчас процесс национальной консолидации – все это представляет чрезвычайно интересный предмет этнографического изучения. <...> Сосредоточив свое внимание на интенсивном изучении одного ограниченного района, Л. П. Лашук <...> не замкнул свой горизонт узкими, чисто локальными вопросами. Он пытается проследить этническую историю Печоры на широком историческом фоне, не упуская из вида общего хода истории <...> народов <...> Севера» [там же, л. 21–22].

Доктор исторических наук А. П. Окладников в отзыве на диссертацию (5 декабря 1954 г.) писал: «Автор безусловно прав, когда говорит, что Печорский край издавна связывал далекий Север Азии и Север Европы. <...> Взгляды наши совпали удивительным образом, что мне приятно. <...> Автор диссертации <...> очень умело и <...> самостоятельно воспользовался археологическими материалами для истории наиболее раннего заселения Печорского края. <...> Не менее интересны главы, посвященные истории русских на Печоре, коми и ненцев в XV–XVII вв. и этническим процессам последующего времени. <...> Работа Л. П. Лашука заслуживает, с моей точки зрения, высокой оценки» [1, л. 19–20]. Диссертация была успешно защищена в Институте этнографии АН СССР 7 декабря 1954 г. За присвоение Л. П. Лашуку ученой степени канди-

дата исторических наук единодушно проголосовали все 13 членов ученого совета института [там же, л. 17]. 12 августа 1955 г. Л. П. Лашук получил диплом кандидата исторических наук [там же, л. 18].

Если у него научная карьера складывалась благополучно, то на его супругу осенью 1955 г. снова обрушились неприятности. В августе 1955 г. О. Н. Воздвиженская находилась в отпуске (срок которого истек 26 августа) у своих родителей в Вольске, заболела, вышла на больничный, 30 августа получила из г. Дмитрова телеграмму, что ее дочь (находившаяся у родителей Л. П. Лашука) заболела; уехала в Дмитров, пробыла там (с продлением больничного листа) до 6 сентября и вернулась в Сыктывкар из-за проблем с авиатранспортом (отсутствие билетов, задержка вылета) лишь 10 сентября; попросила оформить «задним числом» отпуск без содержания на 7–10 сентября, но получила отказ [там же, л. 25]. 12 сентября 1955 г. был издан приказ по КФАН СССР: уволить «за неявку на работу в течение 4 дней (7–10 сентября с/г) без уважительных причин (прогул)» [там же, л. 24]. В характеристике О. Н. Воздвиженской от 16 сентября 1955 г. утверждалось, что она во время работы в архиве «не проявила себя с положительной стороны. Ею не принимались меры к сосредоточению всех фондовых материалов в архив. <...> То, что было принято из отделов, по настоящее время не обработано. <...> Часто использовала рабочее время в личных целях, под разными предлогами просила разрешения у администрации на отлучение. К работе относилась небросовестно» [там же, л. 27]. В качестве негатива в характеристику вписали и «непролетарское» происхождение: «Отец – служащий культа, мать из мещан» [там же]; к слову, отец О. Н. Воздвиженской до выхода на пенсию преподавал в средней школе математику, физику и астрономию, мать – французский и немецкий языки [там же, л. 3].

О. Н. Воздвиженская (находившаяся снова в положении) обратилась в Президиум ЦК профсоюза работников культуры, который 25 октября 1955 г. постановил отменить решение об увольнении и предоставил ей право обратиться в суд [там же, л. 33], что она и сделала 6 ноября 1955 г., требуя восстановить ее на работе [там же, л. 34]. Но в конце концов дело кончилось тем, что 19 ноября 1955 г. О. Н. Воздвиженская подала заявление с просьбой уволить ее по собственному желанию, и 21 ноября 1955 г. был издан приказ по КФАН СССР с формулировкой: «Освободить с 12 октября 1955 года по собственному желанию» [там же, л. 36, 37]. Больше она в Коми филиале АН СССР не работала. Видимо, в этот период стала рушиться их семейная жизнь с Л. П. Лашуком.

16 апреля 1956 г. Л. П. Лашук был назначен исполняющим обязанности старшего научного сотрудника (приказ издан 24 апреля) отдела языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР [1, л. 3, 42]. 30 ноября 1957 г. конкурсная комиссия (рассмотрев, в числе других документов, отзыв Н. Н. Чебоксарова о работах Л. П. Лашука [там же, л. 41]) заключила, что Л. П. Лашук «владеет научно-исследовательским методом, может самостоятельно проводить исследования в области истории и этнографии», им «написано 23 работы, в том числе 10 печатных», и рекомендо-

вала избрать его на должность старшего научного сотрудника и представить к ученому званию «старший научный сотрудник» [там же, л. 42–43]. Президиум Коми филиала АН СССР назначил ученого на должность старшего научного сотрудника на своем заседании 2–3 декабря 1957 г., избавив его от приставки «и. о.» [там же, л. 46]. После разделения отдела на два подразделения в январе 1958 г. Л. П. Лашук стал старшим научным сотрудником отдела истории, этнографии и археологии [там же, л. 3].

25 февраля 1958 г. Бюро отделения историко-филологических наук АН СССР ходатайствовало об утверждении Л. П. Лашука в ученом звании старшего научного сотрудника [там же, л. 48]. 27 февраля 1959 г. Президиум АН СССР присвоил ему это ученое звание [там же, л. 49]. Аттестат старшего научного сотрудника был выдан Л. П. Лашуку 17 сентября 1959 г. [там же, л. 50].

В середине–второй половине 1950–х гг. Л. П. Лашук побывал в нескольких этнографических экспедициях и командировках в различные районы Коми АССР, по большей части совместно с Л. Н. Жеребцовым [9; 11–16], подготовил серию научных работ (в характеристике от 26 февраля 1960 г. говорилось: «За время работы в Коми филиале им написана 31 работа, из которых 20 опубликовано» [1, л. 51]), причем не только по этнографии, но и по археологии: «Стоянка Красная гора близ Сыктывкара» (1955), «Новые археологические находки на Вычегде и Печоре» (1957), «Археологические древности коми» (1959) и др. Его статью «Печорский край в древности» (1954) высоко оценил д.и.н., проф. А. П. Смирнов: «Автор использовал весь известный в науке археологический материал и критически переработал имеющуюся литературу. <...> Изложен ряд интересных наблюдений и положений, хорошо обоснованных материалом: <...> наблюдения над групповым расположением стоянок на рр. Сандибей-ю и выделение постоянных и переменных мест обитания, характеристику культуры северной и восточной Большеземельской тундры, датировку стоянок, связь с Западом и заселение этого края с Оби». Высказав возражения по датировке некоторых стоянок, А. П. Смирнов заключил: «Статья дает правильное представление о древнейшей истории Печорского края, и можно пожелать скорейшего ее опубликования» [там же, л. 23–24].

Л. П. Лашук много занимался общественной деятельностью. Не прошло и двух месяцев со дня его поступления на работу в Коми филиал АН СССР, а он уже выступил на митинге научных работников. Газета «За новый Север» 28 октября 1950 г. в заметке «Замыслы империалистов потерпят крах» сообщала: «Свыше 100 человек научных сотрудников и административно-технического персонала филиала собрались на митинг, посвященный итогам работы Второй Всесоюзной конференции сторонников мира. <...> От имени молодых ученых и молодежи филиала выступил научный сотрудник Лашук Л. П.

– Американские агрессоры, – сказал он, – грозят миру возрождением фашизма. Но этому не бывать! По поручению нашей молодежи, я заявляю: Мы не хотим войны, но мы полны решимости отстаивать мир, свободу и независимость народов. Тот, кто посеет ветер войны, пожнет бурю всеокрушающего народного гнева и возмущения.

<...> С большим воодушевлением, под бурные аплодисменты участники митинга приняли резолюцию.

– Мы, научные сотрудники и работники Коми филиала Академии наук СССР, – говорится в ней, – единодушно одобряем и приветствуем сталинскую мудрую миролюбивую внешнюю политику советского правительства, целиком присоединяемся к принятому Всесоюзной конференцией Наказу советским делегатам на Второй Всемирный конгресс сторонников мира и обязуемся отдать все свои силы и знания борьбе за мир, за процветание и могущество нашей Родины. Да здравствует знаменосец мира, гениальный вождь и учитель всего прогрессивного человечества, корифей науки, наш дорогой и любимый товарищ Сталин!»

В июне 1954 г. Л. П. Лашук вступил в КПСС [там же, л. 4]. «Принимает активное участие в общественной жизни, является агитатором, руководителем лекторской группы горкома ВЛКСМ, внештатным лектором горкома партии», опубликовал «ряд газетных статей на историко-этнографические темы», – сообщает характеристика, выданная ему в октябре 1954 г. [там же, л. 26]. В характеристиках 1955–1956 гг. отмечено, что Л. П. Лашук являлся ответственным секретарем «Известий Коми филиала Всесоюзного географического общества», во время выборов 1955 г. заведовал агитпунктом кирпичного завода, «работает над повышением своей научной квалификации, много читает художественной литературы» [там же, л. 27–28]. (Его супруга О. Н. Воздвиженская, кстати, тоже являлась лектором горкома и обкома ВЛКСМ, агитатором на кирпичном заводе и т. п. [8, л. 10]). В характеристике от 26 ноября 1957 г. говорится, что Л. П. Лашук являлся членом редколлегий журналов и стенгазеты [там же, л. 44]. Характеристика от 26 февраля 1960 г. сообщает, что Л. П. Лашук – лектор горкома и обкома КПСС, член Общества по распространению политических и научных знаний, член библиотечного совета филиала, партгрупорг отдела, пропагандист кружка текущей политики, «хорошо проявил себя как лектор и пропагандист» [там же, л. 51]. 29 декабря 1956 г. ему была объявлена благодарность «за успешное выполнение работ» и «активное участие в научно-организационной и общественной жизни филиала» [там же, л. 37], 11 декабря 1958 г. – объявлена благодарность и выдана премия за успешное выполнение научно-исследовательских работ и опубликованные в 1958 г. работы [там же, л. 38].

Еще в начале 1960 гг. Л. П. Лашук и Л. Н. Жеребцов строили планы дальнейших совместных исследований. Однако к середине 1960 г. ситуация стремительно изменилась. Л. П. Лашука пригласили работать в МГУ. 18 июня 1960 г. в Коми филиале АН СССР ему дали характеристику для представления в конкурсную комиссию МГУ [там же, л. 52]. 1 июля 1960 г. Л. П. Лашук подал заявление: «Прошу освободить меня от занимаемой должности в Коми филиале по собственному желанию в связи с переходом на другую работу с 15 июля с. г.» [там же, л. 57]. 13 июля 1960 г. был издан приказ по Коми филиалу АН ССР, согласно которому, Л. П. Лашук был освобожден от должности с 18 июля 1960 г. [там же, л. 58].

Ученый уехал в Москву, до 1990 г. работал в МГУ, защитил докторскую диссертацию, стал признанным авторитетом в этнографической науке [7; 17, 18 и др.]. Его семья осталась в Сыктывкаре, куда Л. П. Лашук больше никогда не приезжал. О дальнейшей судьбе супруги (теперь уже бывшей) и детей Л. П. Лашука нам, к сожалению, мало что известно – за исключением одного эпизода. Николай Лашук учился в одном из ленинградских вузов, где, видимо, увлекся диссидентским движением, заметно усилившимся после ареста и суда над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем. Вынесенный в феврале 1966 г. суровый обвинительный приговор вызвал в СССР протесты, в которых особенно активно участвовали творческая интеллигенция и студенты московских и ленинградских вузов, стремившиеся разными способами выразить свои взгляды. Не минули эти настроения и Н. Л. Лашука, решившего выразить свое недовольство действиями власти способом, в общем-то нехарактерным для диссидентского движения.

Накануне майских праздников 1966 г. Н. Л. Лашук приехал в Сыктывкар к матери, очевидно, уже с готовым намерением осуществить свою протестную акцию во время Первомайской демонстрации: подложить дымовую мину под правительственную трибуну на Юбилейной (совр. Стефановской) площади. Своей идеей он увлек подругу по совместной учебе в одной из сыктывкарских школ А. В. Лапшину и, видимо, кого-то еще. Кто-то из умельцев (возможно, сам Н. Л. Лашук) собрал мину с часовым механизмом на основе обычного будильника. Участники акции явно относились к своей затее довольно легкомысленно, как к какой-то игре. На схеме мины вопреки всяким законам конспирации было написано «Лашук Николаю». Александра Лапшина оставила Николаю подписанную своим именем («Шура») записку, в которой написала, в частности: «Мину мне велели отвезти домой, и я ее стянула из вашей комнаты». Несерьезность отношения к происходившему видна и из того, что в той же записке сразу после слов о мине идет такой совершенно бытовой текст: «Девушкам большой привет. Как Валя выступила на соревнованиях?»

Накануне демонстрации Н. Л. Лашук и А. В. Лапшина установили мину под центральной трибуной (тогда она была деревянной), рассчитывая взрывом и дымом напугать местную партийно-правительственную элиту и демонстрантов. Но до взрыва не дошло – за два часа до начала демонстрации мину случайно обнаружили и обезвредили. На одной из газет, в которые было завернуто взрывное устройство, сотрудники КГБ обнаружили выведенные чернильной пастой цифры, опросили городских почтальонов, и 4 мая одна из опрошенных узнала свою пометку, указала адрес получателя. 5 мая Н. Л. Лашука и А. В. Лапшину допросили, в квартирах провели обыски. Нашлись упомянутые схема устройства мины и записка А. Лапшиной, а также материалы, использованные для оснащения взрывного устройства и др. Задержанные молодые люди своей вины не отрицали.

Заметим, что советские диссиденты в абсолютном большинстве отвергали террор. Но мина, которую хотели взорвать Н. Л. Лашук и А. В. Лапшина, на средство тер-

рора явно не тянула – это была простая «дымовушка». Как установили эксперты, при взрыве могло произойти обильное дымообразование с выделением в воздух раздражающих веществ, не смертельных для человека. Умереть можно было разве что от страха, а пораниться – при паническом бегстве с площади. Однако то, что сделали молодые «протестанты», могло повлечь за собой непредсказуемые последствия. Если бы эти события происходили в начале 1960-х гг., молодых людей ждал бы неминуемый арест, суд и, вероятно, тюремное заключение. Однако после процесса Синявского и Даниэля ставка была сделана не на официальные открытые судебные процессы и приговоры, а на «профилактику» (предупреждения, проработку) и, в некоторых случаях, принудительное «лечение». В соответствии с этим судебно-психиатрическая экспертиза «установила», что Н. Л. Лашук и А. В. Лапшина по своему психическому состоянию нуждаются в лечении. 4 октября 1966 г. Верховный суд Коми АССР освободил их от уголовной ответственности с применением к ним принудительных мер медицинского характера [19].

Не повторяя всего уже сказанного в различных публикациях [7; 9; 11; 17–24 и др.] о направлениях работы Л. П. Лашука в 1950-е и последующие годы, отметим, что в сфере основного внимания этнографа была, в частности, проблема определения критериев для выделения различных «историко-этнографических групп». Можно предположить, что интерес Л. П. Лашука к этой проблематике был вызван работами его учителя Н. Н. Чебоксарова, который совместно с д.и.н. М. Г. Левиным (1904–1963), заместителем директора Института этнографии АН СССР, разрабатывал принципы этнографической классификации народов по историко-этнографическим областям и хозяйственно-культурным типам [2, 3; 25; 26].

В середине 1950-х гг. Л. П. Лашук совместно с Л. Н. Жеребцовым инициировал академическую программу этнографического районирования всей территории Коми АССР, которая осуществлялась впоследствии сыктывкарскими этнографами вплоть до начала 1990-х гг. Свои принципы историко-этнографического районирования Коми АССР Л. П. Лашук изложил в публикациях 1960 г. [27; 28]. А первым опытом комплексной характеристики одного из этнографических районов на территории расселения коми стала обстоятельная работа Л. П. Лашука «Сысольский этнографический район Коми АССР», включенная в качестве приложения в отчет Сысольской этнографической экспедиции 1958 г. [29]. Этот труд долгое время оставался неопубликованным и лишь осенью 2025 г. подготовлен В. Э. Шараповым и И. Л. Жеребцовым к изданию в журнале «Этнография».

В данной работе Л. П. Лашук достаточно определенно утверждает, что рассмотренные им «основные этнографические явления» «позволяют выделить Сысолу в особый этнографический район Коми края», при том, что «уклад Сысолы» «в наибольшей степени <...> был близок этнографическому укладу населения Вычегды» [там же, л. 175–176]. Однако вскоре в своей докторской диссертации «Формирование народности коми», первый вариант которой был подготовлен в Сыктывкаре уже к 1960 г.,

Л. П. Лашук высказался уже иначе. В параграфе «Этнографические (хозяйственно-культурные) районы края Коми» из четвертой главы «Народность Коми в период становления и утверждения капиталистического уклада (XIX – начало XX вв.)» он назвал территорию расселения сысольских коми частью Вычегодского этнографического района, отмечая, впрочем, локальные этнографические различия между вычегодскими и сысольскими коми.

Полностью текст докторской диссертации Л. П. Лашука не издавался (значительная ее часть вошла в монографию «Формирование народности коми», изданную в МГУ в 1972 г.). Названный параграф представляет несомненный самостоятельный научный интерес и публикуется в качестве приложения к настоящей статье как научное наследие видного российского этнографа.

***

Л. П. Лашук

Этнографические (хозяйственно-культурные) районы края Коми

Советские исследователи ведут большую и интересную работу по этнографическому районированию нашей страны, выделяя в первую очередь конкретные историко-этнографические области, в пределах которых в результате длительного взаимного общения обитающих здесь народов, связанных общностью исторических судеб, складывается определенная культурная общность. С наибольшей ясностью общность эта прослеживается в материальной культуре – типах жилища, средствах передвижения, пище и утвари, одежде, обуви, головных уборах и украшениях, а также и в некоторых явлениях из области духовной культуры.

В Восточной Европе выделяются, например, две обширные историко-этнографические области – волго-камская и прибалтийская, в рамках которых могут быть выделены и более мелкие районы, отличающиеся друг от друга менее важными, хотя обычно и более многочисленными культурными особенностями [30, с. 50–52]. По этой классификации народы коми (зыряне и пермяки) должны быть отнесены к волго-камской историко-этнографической области, но по ряду существенных признаков коми-зыряне явно расходятся с коми-пермяками и их западными соседями и вместе с русским населением Двинского, Мезенского и Печорского края образуют северо-восточную подобласть.

В начале текущего столетия коми-зыряне представляли собой исторически сложившийся этнос, которому была свойственна не только языковая, но и определенная культурно-бытовая общность; наряду с этим отдельные группы коми-зырян имели яркие локальные различия и в хозяйстве, и в материальной культуре, и в быту, которые не могут не учитываться при постановке целого ряда историко-этнографических вопросов. Как было показано выше, с давних пор ижемские коми во многих отношениях жили не так, как вычегодские, а последние иначе, чем прилузско-летские коми. Это дает основания для этнографического районирования края Коми путем выделения кон-

кретных хозяйственно-культурных микрорайонов в том виде, как они сложились к началу XX в.

В этой связи необходимо коснуться принципов такого районирования. По данному вопросу автор уже выступал в печати [27], причем подчеркивал, что в основу этнографического районирования должны быть положены не какие-либо частные культурно-бытовые различия, а целые комплексы таковых, существенно отличающих один район от другого. Хотя эволюция отдельных элементов культуры (жилища, одежды и т. д.) совершается вне прямой зависимости их друг от друга, все-таки их развитие одинаково обуславливается всем ходом социально-экономического прогресса данного района, имеющего определенные географические условия. Этнографическое районирование требует учета исторических особенностей развития населения данного района, его этнокультурных связей с соседними народами.

Своеобразие развития культурно-бытового уклада коми-зырянского народа заключалось в том, что с давних времен оно происходило, во-первых, не в одинаковых естественных и хозяйственных условиях, что порождало различия в быту отдельных территориальных групп этого народа; во-вторых, под сильным воздействием русской культуры, влияние которой, однако, распространялось на отдельные группы коми-зырян в различной степени и от различных этнографических групп русского народа. В силу этих, а также и других исторических особенностей (например, различия темпов социально-экономического прогресса) в крае Коми к началу XX в. сложилось несколько четко очерченных этнографических районов. Таковыми автор считает Вычегодский, Ижемский, Верхне-Печорский, Прилузский и Удорский районы.

***

Вычегодский этнографический район занимал центральное положение в крае Коми. Он обнимал бассейн р. Вычегды, с притоками Сысолой, Вымью, Вишерой, Локчимом, Кельтмой. Нельзя сказать, что во всех этих местностях на рубеже XIX–XX вв. были одинаковые условия, но исторически и в экономическом отношении коми-зырянское население Вычегодского бассейна представляло собой определенное единство, так как говорило на весьма близких диалектах, имело сходный образ жизни и довольно развитое взаимное общение.

Что касается различий, то они наблюдались, прежде всего, в хозяйственной области. Так, на Выми, Локчине и Вишере, где земледельческие угодья были явно недостаточными, крестьяне большое внимание уделяли охотничьему промыслу. Отходничество в Вычегодском районе было развито повсеместно, но отходниками по ремеслу являлись преимущественно сысолочи, тогда как вымичи, вычегодские и вишерцы больше занимались лесными работами по Вычегде и в Камском Приуралье. Будучи более подвижными, более состоятельными и культурными, сысольские ремесленники раньше и решительнее заводили различные новшества в материальной культуре и быту. Наибольшей отсталостью отличались вишерцы, сидевшие на малопродуктивных землях и жители небольших починков, раз-

бросанных в глухих лесах Верхневычегодского бассейна. Отрицательное воздействие на быт некоторой части последних оказывало старообрядчество, распространявшееся с XVIII в. В с. Керчомья³ и деревнях по Сев. Кельтме.

В общем локальные этнографические различия в рамках очерченного района наиболее ясно прослеживались между нижней (с Вымью) и верхней Вычегдой, Вычегдой в целом и Сысолой, нижней (от устья до с. Иб) и верхней Сысолой.

Культурно-бытовые различия территориально весьма точно совпадали с диалектами коми-зырянского языка. Этому полностью соответствовали «земляческие» представления населения. Жители нижней Вычегды всегда отличали себя от верхневычегодцев, сыктывдинские (нижнесысольские) коми видели свои отличия от средне- и верхнесысольских коми. Однако отмеченные локальные особенности диалекта, культуры и быта у жителей Вычегодского района не были столь заметными, как в сравнении вычегжан с другими группами коми⁴.

В общем, этот район был сельскохозяйственно-промысловым. Основу сельского хозяйства составляло трехпольное пашенное и подсечно-огневое земледелие с преобладающими посевами (в равных долях) ржи и ячменя, а также овса, конопли и льна. Огородными и полевыми были посадки картофеля, репы, редьки, брюквы (галанки), капусты, лука, моркови. Скотоводство целиком обслуживало потребности земледелия в тягловой силе и удобрениях и нужды самого населения в продовольствии. Пушная охота была подспорьем в добычании денежных средств, а рыболовство – чисто потребительским занятием. Крупную роль играли различные неземледельческие промыслы – местные (рубка и сплав леса, сельское ремесло и т. д.) и отхожие (на уральские заводы, в промышленные города центра, по портняжеству, пимокатному делу и т. д.).

Главными земледельческими орудиями в Вычегодском крае были деревянная соха (гёр) с железными сошниками, деревянная соха («пиня», на нижней Вычегде и Выми – «агас»), серп, коса – горбуша, цеп («вартан»). В подсечном хозяйстве использовались топор, железная мотыга («кокан»), ручная борона («караукля») и конная борона – суковатка.

К исходу XIX в., сначала на Сысолое, затем по всему Вычегодскому бассейну, получило распространение усовершенствованное пахотное орудие – вятская однолемешеная косуля.

Средствами передвижения издавна служили лодки (долбленные осиновки и дощаники – плоскдонные и килевые), простые волокуши и телеги-одноколки летом, а зимою двухполосные сани – дровни и кошевки, лыжи – гладкие беговые и подбитые мехом. Распространена была верховая езда на лошадях и пешая ходьба на дальние расстояния. Охотники на промысле использовали ручную нарту, к которой спорадически припрягали охотничью

³ Названия населенных пунктов приведены так, как они даны у Л. П. Лашука.

⁴ Здесь и далее для характеристики этнографической специфики коми пользуясь материалами многолетних полевых исследований – своих собственных и совместных с Л. Н. Жеребцовым (прим. Л. П. Лашука).

собаку. Четырехколесные телеги и экипажи появились в конце XIX в.

Для всего Вычегодского района был характерен гнездовой тип поселения, при котором небольшие деревни (сикты) группировались вокруг старинного сельского центра – погоста непосредственно у берега реки, на первой или второй террасах, а иногда (напр., на Сысолое) на увалах третьей подпойменной террасы в значительном удалении (на 1–2 км) от воды. Некоторые такие селения (Коквица, Палевица, Усть-Кулом, Керчомья на Вычегде; Иб, Межадор, Визинга и др. на Сысолое) по мере разрастания вытянулись на несколько километров в длину. Мелких обособленных деревень, за исключением недавних выселков по небольшим речкам, не было совсем.

В начале пореформенного периода полностью сохранялся беспорядочный тип жилой застройки: дома стояли порознь, в любом положении по отношению друг к другу, но при обязательной ориентировке окнами на реку. Позднее развивается приречно-рядовая планировка: однорядная, когда дома выстраивались вдоль берега в один ряд фасадами на реку; двух- и многорядная, когда жилые постройки располагались в два и более рядов, в затылок друг другу. Между первым и вторым порядками пролетала дорога-улица, а между домами, стоящими по берегу выше, – проулки. На Выми, Вишере и особенно верхней Вычегде беспорядочный и частично рядовой план селений сохранился до периода коллективизации. На Сысолое (выше с. Иб) и местами на нижней Вычегде в начале XX в. развивается уличная планировка. В заводских поселках Серегова, Кажима, Ньючима существовала не только уличная, но и поквартальная планировка.

Для вычегодских селений были характерны открытые усадьбы, на которых совершенно отдельно стояли дом с пристроенным сзади двором, амбары, баня, колодец. Какие-либо заборы, кроме обычных прясел, палисадники, заплоты с воротами и калитками, как правило, отсутствовали. Лишь на средней и верхней Сысолое под влиянием вятско-русского домостроительства несколько десятков лет назад появились усадьбы с замкнутым двором, по улице отгороженным сплошным бревенчатым заплотом с двухстворчатыми воротами и калиткой. Внутри такого двора, справа и слева от дома, располагались в единой связи амбар, погреб и дровяной навес между ними (иногда свинной хлев), рядом колодец, а позади дома, на огороде – баня, санный сарай или дополнительный амбар. Под окнами дома нередкими были палисадничек и древесные насаждения – тополь, черемуха, рябина и т. д.

Основным видом жилища вычегодских коми до середины XIX в. оставалась традиционная «коми-зырянская» застройка, состоящая из курной избы (керки), клетки (кума) и сеней между ними, с выходом через открытое крыльцо на улицу, и двора, состоящего из нижнего хлева и верхней повети со взвозом, вплотную примыкавшего сзади к жилой половине (см. ее описание в главе III, § 4). В пореформенный период такая застройка начинает совершенствоваться и видоизменяться. Так, в одном архивном документе 1864 г. мы находим следующее описание коми-зырянского жилища Вычегодского края: «Жилые избы устраиваются

по древнему обычаю, т. е. черные без трубы, а у других и белые, печи бывают в углу комнаты, окна маленькие, у некоторых большие; и у каждого поселянина две жилых избы в смежности..., под одной из этих изб устроен погреб, а под другую голбец или подполье. Задняя постройка состоит из сарая сеного, под коим и помещение скота в особых отделениях»⁵.

Иначе говоря, первая стадия усовершенствования традиционного жилища состояла: 1) в замене черных печей белыми, последние раньше появлялись в летней половине; 2) в превращении прежней клетки (она же летнее помещение для отдыха) в жилую горницу с печью; 3) в увеличении размеров окон. Мною установлено, что массовая смена курных изб белыми происходила в 80–90-х годах прошлого⁶ столетия, но на верхней Вычегде этот процесс затянулся до Октябрьской революции.

Последующая эволюция коми-зырянского жилища пошла по линии увеличения и расширения жилых помещений, перепланировки сеней и крыльца, переустройства фронтона и крыши, а также изменения внутреннего устройства жилья.

С середины XIX в. на нижней Вычегде стали появляться дома, в которых к задней стенке керки и кума пристраивались небольшие горенки с одним окном [31]. В конце столетия дома с задней горницей стали типичными для указанного района. В это же время на средней Вычегде и Вишере к избам сбоку стали прирубать дополнительные комнаты, по местному «чуланы». Верхней Вычегды (выше Усть-Кулома) это новшество не коснулось.

Интересной формой жилья был дом со средней горницей (с «жиром»). Собственно, он представлял собой дальнейшую модификацию старого жилья (керка + сени + кум). В доме нового типа на месте прежних сеней, выходящих на улицу, расположилась средняя комната («комната», «жир») со входом из керка – «кухни». Прежний кум окончательно превратился в собственно горницу («горничка»), отделенную глухой капитальной стеной от средней комнаты и кухни и имеющую особый вход из сеней, протянувшихся вдоль всех жилых помещений. Крыльцо располагалось теперь не по фасаду, а сбоку дома. Дома со средней горницей строились преимущественно состоятельными крестьянами. Район их распространения в Вычегодском крае: нижняя и средняя Вычегда, нижняя Вымь и нижняя Сысола. На верхней Вычегде такие постройки встречались в единичных случаях.

В начале XX в. развивается строительство домов-пятистенков, иногда с дополнительной комнатой, примыкающей к горнице. Пятистенки известны по всей Вычегде, но основным типом жилища они стали на верхней и средней Сыsole и нижней Вычегде, в районе Межога, Жешарта и Гама. На Сыsole сооружались также дома-крестовики (шестистенки), имеющие четыре жилых камеры, и дома, в которых жилое помещение имелось и по другую сторону центральных сеней, занимая половину прежнего двора. На нижней Вычегде к обычному пятистенку сзади иногда

⁵ Л. П. Лашук ссылается на материалы ЦГА Коми АССР (совр. Национальный архив Республики Коми), указывая такие данные: Ф. 39. Оп. 1. Д. 29. Л. 43.

⁶ Имеется в виду XIX век.

пристраивали еще одно помещение, половину которого составляла зимняя изба, вторую половину – обширные сени.

В общем, при всех преобразованиях для крестьянского жилища Вычегды оставалось характерным одноэтажие. Лишь кое-где, но больше всего в Усть-Выми, в начале XX в. местные богачи стали возводить хоромы, в плане повторяющие одноэтажные многокамерные постройки.

При всем этом хозяйственная часть – хлев и поветь – особых изменений не претерпела. Но система покрытия в виде тесовой крыши на самцовом фронте с изменением типа жилья стала устраиваться иначе. При старинной застройке пологая крыша одним скатом покрывала жилую часть, а другим – хозяйственную часть. Кстати, на верхней Вычегде такая система покрытия в значительной мере сохранилась до наших дней. Но уже на домах со средней горницей, а тем более на пятистенках и крестовиках, крыша стала много круче, самцовый фронтон стал составной частью фасада, а тесовое покрытие обоими скатами располагалось как над жилой, так и, в виде продолжения, над хозяйственной частями застройки.

Таким образом, даже в отсталом Вычегодском крае на протяжении всего нескольких десятилетий на смену курной избе пришли несколько разновидностей жилого дома, которые нередко бытовали бок о бок в пределах одного селения, знаменуя собой настойчивые поиски крестьянским зданием удобного типа жилья. Необходимо подчеркнуть, что новые разновидности жилища у вычегодских коми возникали не сами по себе, а под сильным воздействием русского (вятско-камского и вологодско-устюжского) домостроительства. Характерно, что строительные новшества появлялись раньше и получали значительное распространение в районах с наибольшим развитием отходничества в русские местности – на Сыsole, нижней и средней Вычегде. Верхняя Вычегда, отпуская отходников преимущественно на черные работы в местных и прикамских лесах, была в этом отношении явно отстающей. Следует учитывать и отрицательное влияние здешнего старообрядчества, чуждавшего всего нового, ранее не виданного.

Мужская и женская одежда вычегодских коми долгое время сохраняла традиционные формы, сложившиеся еще в феодальную эпоху <...>, тем не менее, с развитием капитализма и расширением межобластных связей в местной одежде появилось много новых элементов. В рукописи некоего Попова «Этнографические сведения о мужских и женских костюмах крестьян Ибской волости» 1882 г. указывается: «Причинами появления среди ибских крестьян одежд русской формы были и есть теперь, во 1-х близость заселения их от своего уездного города (в 50 верстах), где мещане в костюмировке всегда стараются подражать русским, и, во 2-х, хождение для заработков в смежные со своим уездом губернии Пермскую и Вятскую, откуда заносят на свою родину все встречаемые новшества ими у русских, особенно в покрое»⁷. Материалы этой инте-

⁷ Л. П. Лашук ссылается на материалы Рукописного фонда Коми республиканского музея (совр. Национальный музей Республики Коми) и указывая следующие данные: Инв. № 542. Л. 1.

ресной рукописи и других архивных документов, а также наши совместные с Л. Н. Жеребцовым полевые исследования свидетельствуют, что население различных районов Вычегодского края имело сходный комплекс одежды, который видоизменялся примерно в одном направлении.

И в начале XX в. материалами для изготовления одежды служили «своедельные» тонкие и грубые холсты и сукна – белые, крашенные, пестрядинные. По сравнению с дореформенным периодом, больше стало выделяться пестряди (мужской в крупную, женской в более мелкую клетку) и цветной набойки на крашенных холстах. Шире стали применяться различные дешевые ткани фабричной выработки – кумач, ситцы, сатин, молескин, люстрин, нанка и пр.), а также фабричное сукно и другие плотные ткани. Но все же рядовое крестьянство коми в основном и целом оставалось по одежде «сермяжным».

Основу мужского костюма составляли длинная рубаха с прямым или косым воротом, подпоясанная ремнем или узорным пояском, в холщевые или суконные штаны, заправленные в сапоги или в чулки с котами. Рабочая рубаха всегда была холщевой или из грубой конопляной ткани, праздничная-пестрядинная или из покупной фабричной ткани. Верхнюю одежду представляли «дукёс» и «сукман» («понитёк») – долгополые, халатообразные, сшитые из трех полотнищ, подпоясываемые кушаком одеяния. Разница между ними заключалась в том, что «дукёс» шили из чисто шерстяной белой, черной и серой ткани, а «сукман» из ткани с льняной основой и шерстяным утком. Из четырехслойного грубого сукна изготовлялся короткий (выше колен) рабочий «зипун». Рабочей одеждой был холщевый «шабур» – глухого покроя (без разреза спереди), надеваемый через голову. Отправляясь на промысел мужчины накидывали на плечи «луз» («лузан»), представляющий собой перегнутое пополам холщевое полотнище с вырезом для головы, облегающее спину и грудь и закрепленное на талии ремнем.

Выходной одеждой, помимо нарядной рубахи и «дукёса», служили заимствованные у русских «пинжак» и «сертук» из сукна и иной материи фабричного изготовления. Традиционный головной убор мужчин – «гын шляпа» (войлочный колпак) стал сменяться покупными «картузом» (фуражкой) и «гёгрёс» шапкой (круглой шапкой, с плоским или острым, «татарским», верхом).

Основу женского горничного костюма составляла длинная рубаха двух видов: прямого покроя с прямыми узкими рукавами и рубаха на кокетке с широкими, собранными в запястье рукавами. Первая почти всегда шилась из холста и украшалась по вороту, надплечьями и манжетам тканым узором; вторая изготовлялась преимущественно из ситца, кумача и иной покупной ткани, никаких украшений она не имела.

Другим важнейшим элементом женской одежды был сарафан – старинного покроя, косоклинный, с короткими лямками; и нового вида, прямого покроя, более короткий, пышный. Для обозначения этой одежды, в зависимости от ткани, ее окраски и покроя, существовала богатая местная терминология, различная даже в соседних районах. Например, на нижней Сысолое косоклинный сарафан назы-

вался «шушун», «сушун», «сандалик» (окрашенный сандалом), а на верхней Сысолое – «Дубас» (окрашенный отваром ивовой коры). Сарафан «китайка», в общем сходный с шушун, шился из покупной яркой ткани – китайки, был более широк в подоле, украшался спереди двумя рядами цветной тесьмы и пуговиц.

Сарафан прямого покроя (без клиновидных боковых вставок) спереди был сделан на вздержке, а сзади заложен в мелкие складки [32]. Повсюду он назывался «сарафаном» или «сарапаном», на верхней Вычегде – «кёрём сарафаном» (широким по покрою), а на верхней Сысолое, где он, кстати сказать появился раньше, чем в других местах, – «летником» в двух разновидностях: «летник дубас» из грубого холста, рабочий, и «летник шабды сёдз» из тонкого холста, крашенного и набоечного, а также из пестряди. Праздничный сарафан прямого покроя с последней четверти XIX в. стали шить из кумача, ситца, кашемировых и шерстяных тканей⁸. Такой сарафан в начале текущего столетия имел уже «лип» (лиф) и подшитую к нему «юбку» (расклинку), заложенную в крупную складку, а снизу широкую оборку, обшитую тесьмой.

В конце XIX в. вычегодские женщины поверх рубахи и сарафана надевали «нарукавник» – род коротенькой кофточки, покрывающей только самую верхнюю часть туловища и передник («партук», «нагрудник»). Обе одежды шились из домотканого холста или из ситца. На смену нарукавнику пришла настоящая ситцевая кофта – «коска кофта» – с узкими рукавами и талией, но с пышными плечами, косым стоячим воротом, обшитая по краям и груди цветной прошвой. Позднее всего вошли в обиход юбки и платья. Юбка часто была холщевой и носилась с рубахой, верх у которой был сатиновый или ситцевый, а станина – из того же холста. Ситцевые платья первоначально носили только девушки и молодые женщины.

В качестве верхней одежды вычегодским женщинам служили описанные выше «дукёс» и «сукман», с той лишь разницей в покрое, что в талии они делались выше мужских. В последней четверти IX в. появилось «пальто» – длинная, в подолу широкая, с прямой спиной и круглым воротом одежда на меху или на подкладе. Рабочей одеждой был «дубник» (он же «дудник») по покрою и способу ношения весьма напоминающий мужской «шабур». Женскими головными уборами являлись различные платки, ситцевый или шерстяной повойник – «сборник» (на нижней Сысолое – «дерушка»).

Зимняя одежда обоих полов была одинаковой: это – тулупы и шубы, нагольные и покрытые материей; иногда купленные у ижемцев малицы или сшитые на манер малиц овчинные глухие шубы. Летней обувью мужчинам и женщинам служили самодельные «кёты» с кожаной головкой и подъемом из толстого сукна. Праздничные кожаные «кёты» надевались на шерстяной «писанный» (узорный) чулок, подвязывались на лодыжке красной оборкой – «вён». Мужчины носили сапоги и бахилы. Зимней обувью служили валенки-катанки и «вальёги», имевшие головки из катаной шерсти и верх из толстого сукна. Кое-кто носил

⁸ Л. П. Лашук ссылается на материалы Рукописного фонда Коми республиканского музея (совр. Национальный музей Республики Коми) и указывает следующие данные: Инв. № 542.

ижемские пимы из оленьих «камысов». Образцом настоящего искусства были вязанные из цветной шерсти узорные варежки и перчатки.

Описанные этнографические явления в наиболее яркой форме характеризуют особенности Вычегодского этнографического района. Другие элементы материальной культуры – домашняя утварь, пища, явления социальной жизни и духовная культура мало чем отличали вычегжан от других групп коми. Из специфических черт следует разве еще отметить очень давнюю связь вычегодских коми с местной и уральской горнозаводской и соляной промышленностью и значительное влияние на них старожильческого русского населения Серегова и Кажимских железоделательных заводов.

***

Следующий, выделяемый мною, этнографический район – Верхнепечорский исторически тесно связан с только что описанным Вычегодским. Как сообщалось выше, верхняя Печора заселялась вычегодскими и сысольскими коми-зырянами в XVII–XVIII вв. Говор здешнего населения – «эльвовый», близкий к сысольскому и ряда населенных пунктов по верхней Вычегде. Много общего между верхнепечорскими и вычегодскими коми существовало в материальной культуре и быту. Тем не менее, коми-зырянская верхняя Печора представляла собой особый этнографический район. Лингвисты считают печорский (верхнепечорский) говор самостоятельным диалектом. Верхнепечорские коми имеют особое самоназвание – «печераса». Они же, став в XVIII в. ревностными старообрядцами, решительно отмежевались от вычегжан – «церковников». Но, конечно, главной причиной обособления печорцев от основной массы коми-зырянского народа была их географическая изолированность, а также специфическое (промысловое) направление хозяйства и большие экономические связи с русской Чердынью, чем с Вычегодским краем.

Земледельческое хозяйство на верхней Печоре было развито слабо: по местным масштабам несколько больше в районе Троицко-Печорска и ничтожно в Савиноборской и Кожвинской волостях. Площадь посева на двор не превышала 200–300 кв. саженей. Единственными культурами были ячмень, рожь, лен и конопля. Овощеводство существенной роли не играло. Посадки картофеля стали практиковаться только в конце XIX в. Поля ютились у самого берега Печоры, подле домов. Расширение пахотного клина производилось подсечным методом («расчистки»). Правильное трехполье отсутствовало. Практиковалось простое чередование ржи и ячменя на одном, ежегодно удобряемом поле. Истощение земли пускали под перелог и вновь обрабатывали спустя 15–20 лет. Земледельческие орудия были те же, что и на Вычегде. Скотоводческое хозяйство значения не имело из-за повышенной лесистости и суровости климата, недостатка кормов и трудности содержания скота в длительный (до 8 месяцев) зимний период.

Сельское ремесло и отходничество до самой революции существенной роли не играли. Единственным более или менее развитым промышленным занятием являлась

ломка и грубая обработка точильного камня на брусяных горах Вои и Сопляса. Некоторое значение имел извозный промысел: транспортировка по зимним путям чердынских и печорских товаров.

Важнейшим занятием верхнепечорских коми был традиционный промысел лесного зверя и рыбы, которым занимались все взрослые мужчины. Охота производилась не только в окрестных лесах, где каждый имел собственные, по наследству переходящие угодья, но и в форме дальнейшего (на 200–300 км) отхода на Урал и в Зауралье. Ближняя («по за полями») охота была индивидуальной, но на дальний промысел печорские коми отправлялись, объединившись в товарищеские артели. На Печоре и ее притоках весной и осенью производился массовый лов рыбы, в том числе такой ценной как семга и нельма. И здесь применялись методы артельного труда. Орудия и способы охоты и рыболовства отличались большим разнообразием, во многом напоминая таковые же у ближайших соседей – зауральских манси. Промысловое хозяйство верхнепечорских коми имело не только потребительский, но и товарный характер.

Главными средствами передвижения служили большие и малые лодки, а зимою сани. Так как на верхней Печоре совершенно было летних дорог, колесный транспорт (телеги – одноколки) применялся в ограниченной степени. Охотничьи артели и отдельные охотники пользовались собачьими упряжками.

Тип поселения на верхней Печоре заметно отличался от вычегодского «гнездового» типа, возникшего на базе сельского хозяйства. Только село Троицко-Печорское, образовавшееся в результате слияния нескольких соседствующих деревенок – «сиктов» (по-местному «став»), может рассматриваться как гнездовое поселение. Остальные населенные пункты, даже такие крупные, как Савинобор, Подчерье, Кожва, представляли собой разросшиеся деревни на месте прежних промысловых починок. Большинство верхнепечорских деревень было небольшими поселками, основными в местах, наиболее удобных не столько для сельского хозяйства, сколько для занятия промыслами. Сколько-нибудь упорядоченная планировка во многих селениях отсутствовала. Лишь в некоторых крупных деревнях существовало рядовое расположение домов вдоль берега, окнами на реку.

Верхняя Печора явно отставала от Вычегды и в отношении развития жилища. Курные избы здесь существовали дольше, чем в других районах коми. Преобладающим типом жилища повсеместно был «зырянский» трехраздельный дом, состоящий из зимней избы-керки, синей и кума-горницы. Жилая часть располагалась под односкатной крышей, к которой примыкая двор, также покрытый односкатной тесовой крышей. Оба ската сближались коньками, но не составляли единого целого. В начале XX в. стали сооружать и двухскатные крыши, покрывающие под одну связь жилую и хозяйственную части дома. Наметились некоторые изменения и во внутренней планировке жилья. Если раньше печь ставилась в углу, противоположном входу, устьем в темный закут у двери, то теперь печь изменила свое положение, будучи повернутой устьем

к одному из боковых окон. Стало исчезать маленькое печное окошко, служившее раньше для освещения обширных полатей, сооружаемым между лицевой стеной и печкой, напротив входа.

Одежда верхнепечорских коми по покрою и названиям была близка костюму вычегжан, но имелись и различия. Так, печорские женщины носили преимущественно длинную холщевую рубаху и косоклинный сарафан. Такие новшества, как сарафан прямого покроя, кофточки, юбки, платья, среди них долгое время не прививались. Но на Печоре шире, чем на Вычегде, для пошива одежды использовались покупные ремесленные и фабричные ткани. Это объяснялось ничтожным производством собственных льняных полотен.

Верхнепечорские мужчины значительную часть года носили специальную промысловую одежду и обувь, так как были заняты посезонно то охотой, то рыболовством. Специфически печорским печорским был «юра дукёс» (у ижемцев – «ной парка», у русских устьцилемов – «суконный совик») – шерстяная длинная одежда глухого покроя, одеваемая через голову, с капюшоном. Зимнюю одежду шили из овчин, но, не имея собственных оленей, все же старались приобрести у ижемцев меховые малицы, совики, длинноухие шапки и пимы.

В пищевом режиме печорцев значительное место занимали продукты промыслов: мясо диких оленей, лосей, медведей, зайцев, глухарей, рябчиков, гусей, уток, куропаток, различные сорта рыбы. Своей домашней птицы не держали, но ежегодно собирали помногу диких яиц. В большом ходу были ягоды, грибы, кедровые орехи собственного сбора. Из-за недостатка овощей заготавливали впрок и употребляли в пищу вместо капусты зонтичное растение «азь гум» – борщевик.

В области общественных отношений у верхнепечорцев сохранялись стойкие пережитки больших родственных объединений типа патронимий – «чукёр» (по-вычегодски «котыр»). В идеологии отмечалась масса дохристианских верований, суеверий, колдовства и магии, особенно долго сохранявшихся в консервативной старообрядческой среде.

***

Наибольшим этнографическим своеобразием среди коми-зырян отличались ижемцы. Границы их расселения совершенно точно совпадали с пределами Ижемского этнографического района, охватывающего р. Ижму от д. Пожня до низовьев, нижнюю Печору от Усть-Ижмы до Усть-Усы, всю р. Усу, среднюю Печору от впадения Усы до д. Бызовой.

Поговору, самосознанию, хозяйству и культуре ижемцы отличались не только от вычегодских, но и от верхнепечорских коми-зырян. Различной была и их этническая история. <...> Ижемцы с давних пор находились в самом тесном контакте со своими русскими соседями – устьцилемами и пустозерами.

Ижемский район – скотоводческо-промысловый, но здесь существовало и земледельческое хозяйство, кстати сказать, развитое больше, чем на верхней Печоре. Ижемскому земледелию были свойственны особые черты. Ни

систематически практикуемого подсечного хозяйства, ни правильного трехполья у ижемских крестьян не существовало. Новые земли вводились в оборот по методу подсеки, но сразу же превращались в навозное однополье, используемое из года в год на протяжении многих лет. Лишь по истощению пахотным участкам давали «отдохнуть» под паром год-два, а затем вновь пускали под посевы. Наличие большого количества скота позволяло хорошо удобрять и обрабатывать сравнительно небольшие участки пахоты.

Ижемцы сеяли озимую рожь и яровой ячмень. Последний явно преобладал: до 85–90 % пахотного клина были заняты яровыми посевами. Из технических культур возделывалась преимущественно конопля, лен занимал весьма скромное место, во многих его вообще не выращивали. По данным В. Н. Латкина (1843), огородничество у ижемцев было развито в большей степени, чем у других групп печорского населения. Ижемцы разводили капусту, репу, редьку и лук, они же, по сути дела первыми на Печоре, стали культивировать картофель. Ижемское огородничество в некоторой степени имело товарный характер.

Земледельческими орудиями в описываемом районе являлись обычные соха и борона-суковатка, деревянная вязаная и с железными зубьями. Для удаления корней на только что расчищенном от леса участке применялся «дерун» – толстое бревно со множеством железных зубьев, набитых по всей его поверхности, которое с помощью конной тяги по многу раз протаскивалось по всему участку. При расчистках применялись также топор, заступ и железная мотыга – «копорига». В начале XX в. распространяется однолемешное пашущее орудие – «сабан», завезенное из Прикамья. Обмолот снопов до недавнего времени производится не цепом, как повсюду у коми-зырян, а изогнутой палкой – «кичигой» с плоской подошвой.

Преобладающим занятием в сельском хозяйстве ижемцев было скотоводство – разведение коров, лошадей и оленей. В начале текущего столетия молочный и рабочий скот в большом количестве имелся во всех ижемских селениях, но особенно много было его в Красноборской волости, т.е. на нижней Ижме, и в деревнях от устья Ижмы до Усть-Усы, где обычным было держать в одном хозяйстве от 2 до 4–5 коров, 1–2 лошади. Напротив, оленеводство почти никакой роли не играло, а свиноводство и птицеводство вообще отсутствовало.

Характерной особенностью сельского хозяйства ижемцев было то, что значительную часть летнего сезона, не менее 2–3 месяцев, уделяли заготовке травяных кормов на поемных и боровых пожнях, нередко отстоящих от селений на несколько десятков километров. На дальние покосы крестьяне отправлялись всей семьей со скотом и домашним скарбом, возвращаясь в деревню только по воскресеньям. Много времени и сил уходило также на ежегодные расчистки пожен от древесной поросли.

Условия летнего выпаса скота имели специфические черты. До окончания сенокоса скот пасся в лесу без всякого присмотра. Коровы возвращались вечером домой сами, но лошади оставались в лесу и в ночное время, бродя табуном свободно иногда целое лето, так как в этот пе-

риод особой потребности в рабочем скоте не ощущалось. После окончания сенокосной страды рогатый скот перевозили на лодках за реку на пожни, где он отгуливался до поздней осени. Овец круглый год держали в стойле из-за того, что от них пришлось бы огораживать посевы слишком частой изгородью.

Продукты скотоводства использовались в собственном хозяйстве, но немалая их часть, в виде топленого масла, сала и мяса, шла на продажу приезжим купцам. Практиковалось выращивание коров и лошадей специально для сбыта живьем.

Все, кто когда-либо писали о Печоре XIX – начала XX в., неизменно отмечали, что первостепенной и наиболее прибыльной отраслью хозяйства ижемцев являлось оленеводство, широко развитое в Мохченской, Ижемской и Красноборской волостях. Но это отнюдь не означало, что все ижемцы поголовно были оленеводами. Даже в наиболее оленеводческой Мохченской волости владели не более 25% крестьянских хозяйств, причем большинство имело менее 50 оленей, которые отдавались на выпас местным богачам – «оленьщикам».

Ижемское оленеводство – отгонное тундровое, т. е. связанное с обязательным отгоном оленей в летнее время в тундру и к побережью Ледовитого океана. В зимнее время олени стада паслись в лесах подле селений. В отличие от тундровых номадов ненцев ижемские оленеводы не порывали связей с оседлыми поселениями. В тундру с оленями уходили обычно сам хозяин с работниками или взрослыми сыновьями, остальные члены семьи оставались дома. Зимой оленеводы жили в своих деревнях.

Уход за оленями был весьма прост, хотя и требовал большого опыта, и ограничивался пастьбой и охраной стада от нападения волков и от разброда по тундре. Стадо каждого хозяина паслось отдельно на большом пространстве, и пастухи периодически обходили или объезжали его на нартах, чтобы собрать вместе далеко разбредшихся оленей. Незаменимым помощником оленевода была специальная пастушеская собака. В тундровой полосе собака нередко использовалась также как ездовое животное. Существовали особая собачья упряжка и легкие собачьи нарты.

Оленеводство и связанные с ним элементы материальной культуры ижемцы, как известно, заимствовали у ненцев, но их оленеводческое хозяйство к исходу XIX в. стало более крупным, рациональным и прибыльным, чем ненецкое. Именно ижемцы превратили печорское оленеводство в высокотоварную отрасль хозяйства. Оленья меха, оленья одежда, обувь и головные уборы через посредство торгующих ижемцев распространялись среди верхнепечорских, вымских, вишерских и вычегодских коми.

Важнейшим после оленеводства занятием ижемцев было промысловое хозяйство. Если не все они занимались охотничьим промыслом, то почти все много внимания и сил уделяли речному и озерному рыболовству. Ловили различную рыбу, но главным образом старались добыть ценную семгу и нельму, на которых существовал большой спрос у приезжих прасолов и на всех ярмарках Северного края. Промысловое рыболовство особенно было развито

на Печоре и Усе, их притокам, куда заходила проходная «красная» рыба.

Лов рыбы производился с ранней весны до ледостава. Наибольшее значение имел осенний семужный промысел. Рыболовством ижемцы занимались не только подле своих селений, но и уходя на дальние расстояния, сроком на несколько месяцев. Так, рыбаки нижеижемской Красноборской волости ежегодно поднимались по Печоре до верховьев Усы или опускались до района с. Великовисочного и Пустозерска (на низовой Печоре). Жители Усть-Усы весной уходили на притоки Усы-Адзьву, Роговую и Воркуту – и на озера Большеземельской тундры, богатые сигом и другими породами рыбы. Для печорского рыболовства были характерны разнообразные снасти (волоковые и ставные сети и невода, плетенные из веток верши-фетели, морды, чупы, речные запоры) и артельные формы организации промысла. Каждая товарищеская артель состояла из 10–15 чел. – ближайших родственников или соседей. Нередко такую ватагу составляли все рыболовы небольшой деревни.

Охотничье хозяйство было развито главным образом в ижемских деревнях по Печоре и Усе. Например, в 1913 г. все 100% хозяйств населенных пунктов от Кожвы до Усть-Усы занимались охотничьим промыслом в окрестных лесах и в дальних угодьях в предгорьях Урала. В последнем случае охотники складывались в артели и отправлялись на дальний промысел на лодках, а по молодому льду на лошадях и оленях, которых возвращался в селения с проводниками из подростков. При возвращении с добычей широко пользовались собачьими упряжками.

Объектом охоты служили различные виды пушного зверя (белки, горностая, куницы, соболя), мясной дичи (рябчика и тетерева); в притундровой полосе массовый характер носил промысел водоплавающей птицы и белой куропатки. Охотились также на дикого оленя и лося, медведя, зайца, глухаря. Охотой занимались исключительно мужчины и лишь в редких случаях женщины (в хозяйствах, не имевших мужчин-работников), которые ловили птицу силками или били палками линияющих летом диких гусей. Мальчишки-подростки по-настоящему начинали охотиться с ружьем с 14–15 лет, но еще раньше под руководством взрослых постигали все хитрости сложного охотничьего промысла. Снаряжение и одежда ижемского охотника были такими же, как и остальных коми-зырян, но ижемский охотничий костюм – накладдка «лузан» – всегда имел капюшон.

Оленеводство и промысловое хозяйство поглощали все избытки высвобождающихся в сельском хозяйстве рабочих рук, поэтому среди ижемцев отходничество было развито сравнительно слабо. Лишь некоторая часть бедноты систематически занималась лесозаготовками на Тобысе, обслуживала речные караваны, нанималась на нижепечорские лесопильные заводы. Крестьяне, имеющие собственных лошадей, в зимнее время занимались извозным промыслом. Большое значение имели кустарные промыслы, обслуживающие оленеводство и рыбозаготовку. Таковыми являлись замшевое производство (см. выше), изготовление лодок, бочек и сетей.

Главным средством передвижений в летнее время служили лодки – небольшие осиночки и шитики по малым речкам и большие промысловые карабасы и каюки по Печоре и Усе. На лодках ходили на веслах, на шестах, под парусом и бичевой. Тяжелые судна транспортировались против течения с помощью конной тяги. Применение колесных экипажей (одноколки и крайне редко телеги) было весьма ограниченным.

Наибольшее развитие сухопутный транспорт имел в зимнее время, когда в санной упряжи использовались лошади, олени и собаки. Обычными были длительные пешие и лыжные передвижения.

Тип поселения ижемцев отличаются своеобразными историческими особенностями. Вплоть до конца XVIII в. они проживали в нескольких больших деревнях, группировавшихся вокруг Ижемской слободы, т. е. составляющих единый гнездовой тип поселения. Впоследствии ижемцы широко расселились по Печоре и Усе, причем первоначальные поселки представляли собой промысловые замки, разросшиеся затем в деревни. Поселки по Усе, как правило, были малодворными.

В XIX в. многие ижемские деревни отличались беспорядочным расположением жилых и хозяйственных построек. В пореформенный период получили развитие прибрежно-рядовой тип планировки. В крупных селах (в Ижме, Сизябске, Мохче) к началу XX в. стала складываться уличная планировка, при которой оба порядка домов были обращены фасадами напротив друг друга.

Судя по данным Н. Д. Голицина, еще в 1880-х годах на Ижме существовал обычный трехраздельный «зырянский» дом: «каждая изба состоит обыкновенно из двух половин, соединенных между собой сенями; вход в сени с крыльца, расположенного на лицевой стороне избы... Их двух половин избы левая представляет нечто вроде кухни, где готовится пища, содержится иногда скот, и летом, и зимой живут сами хозяева; другая, правая половина избы служит только для приема гостей» [33].

На рубеже XIX–XX вв. этот тип застройки сменяется домом-пятистенком, характерным для всей нижней Печоры [34]. Одновременно распространяются двухэтажные дома двух разновидностей. Первая из них развилась на основе трехраздельного дома, получившего верхний этаж, в точности повторяющий прежнюю конструкцию (керка, сени, кум), с той лишь разницей, что все верхние камеры жилыми («чистыми») комнатами. В нижнем этаже левая половина по-прежнему служила зимней кухней (керка), а правая – кладовой (кум). Вход в жилище, как и прежде, устраивался по фасаду. Но более распространенным был двухэтажный дом северно-великорусского типа со входом с боковой стороны, каждый этаж имел по две комнаты. Двухэтажные дома строили не только богача, но и ижемские крестьяне среднего достатка. Местные кулаки и торгаши возводили огромные по размерам, многокамерные жилища. Отличной особенностью среднего ижемского дома была большая чистота в содержании и большее разнообразие и богатство во внутреннем убранстве, чем у верхнепечорских и верхневычегодских коми.

Нижняя и верхняя горничная одежда ижемцев издавна шилась преимущественно из покупных тканей, причем значительное развитие товарного хозяйства позволяло приобретать дорогую материю: шелк, сатин, шерсть и т. д. По праздникам наряжались в шелковую или сатиновую рубаху с прямым воротом, суконные штаны, покупной синесуконный кафтан («сибирка»), нередко изнутри подбитый мехом, и обязательно кожаные сапоги. Состоятельные крестьяне носили костюм городского покроя. Специфически печорским был одеваемый в прохладную погоду суконный совик с капюшоном – «ной парка».

В прошлом столетии ижемки еще носили узкий и длинный сарафан, напоминающий вычегодский «шушун», но в начале XX в. для них был характерен «круглый» пышный сарафан прямого покроя, состоящий из 7–8 полотнищ, заложённых в мелкую складку. Этот сарафан, представляющий собой по сути дела широкую юбку на длинных лямках, чрезвычайно близок к московскому сарафану, появившемуся в начале пореформенного периода.

В отличие от вычегодских и верхневычегодских женщин ижемцы по праздникам поверх нижней рубахи надевали и «сос» («рукава») в виде короткой распашной кофты со стоячим воротом и очень широкими рукавами, напущенными на запястья, и юбку со складками. Иногда для пышности носили сразу по 2–3 юбки и уже поверх всего этого – широкий цветной сарафан.

Выходной верхней одеждой ижемских женщин, помимо длинной плюшевой «кофты», были «баба малица», «кузь пась» и «дженьыд пась». «Баба малица» представляла собой распашную из оленьего меха одежду с прямой спиной и меховым воротником, покрытую бархатом или плюшем. «Кузь пась» (длинная шуба) имела прототипом распашную двухсловную ненецкую «яндицу», но в отличие от последней и от «баба малицы» пилась в талию. Она имела меховой воротник и меховую отделку по краям, орнаментировалась разноцветными кусочками сукна, а сверху иногда покрывалась плюшем или бархатом. Ижемская «дженьыд пась» (короткая шуба) напоминала устьицлемский «шушун» – шубку-душегрейку с отложным меховым воротником, подбитую или иным мехом.

Разнообразными были и головные уборы: от легких девичьих платков и перевязок до широких шалей и сложных кокошников замужних женщин. Просватанная девушка до самого венчания носила суконную перевязку, по очелью обшитую бисером – «юр ной». После венчания женщины имели одну прическу: заплетенные в две косы волосы укладывались валиком вокруг головы и связывались назад тесемкой. В повседневном обиходе поверх кос надевался легкий чепец – «вёлöсник», а затем матерчатый «кёкёшник» тоже в виде чепца, с вложенным в него спереди валиком – «кишкой», прочно закрепленного на голове с помощью крестообразно завязанной тесемками. По праздникам поверх этого убора, в целом называемого «баба юр», надевался «повойник» или «треюк» с твердой основой прямоугольной формы и двумя длинными лентами. Молодухи носили также парчевый «пыдöса кокошник» с твердым округлым дном.

Отличительной чертой ижемской женской одежды являлось то, что ее внешнее декоративное оформление достигалось за счет пестрого сочетания материи различных цветов, а также за счет использования покупных парчевых, шелковых и кружевных нашивок по вороту, плечам и подолу. Вышивка на одежде отсутствовала. Из предметов рукоделия бытовали только многоцветные («писаные») чулки и пояса.

Зимней одеждой обоих полов была малица, причем мужская малица имела наглухо пришитый капюшон, который нередко отсутствовал на женской малице. В сильные морозы поверх малицы надевался «совик» шерстью наружу. Обувью в летнее время служили легкие меховые туфли – «чурк» и «комысницы», имевшие кожаные подошву и носок. Зимой все население носило олени «пимы» (шерстью наружу) с меховыми чулками (шерстью внутрь) – «липтами». Овчинные шубы, тулуп и валенки-катанки были малоупотребительными.

В питании ижемцев весьма важное значение имела рыба, которую употребляли почти год в различных видах: сырую, малосольную, соленую, мороженую, вареную и жареную. При заготовке рыбы впрок применялся особый «печорский» засол, дающий «кислую» (квашеную) рыбу со специфическим резким запахом.

Осенью и зимой в пищу употреблялось большое количество мяса, в том числе дикого. По примеру ненцев, ижемцы пили свежую олению кровь.

В конце XIX в. излюбленным напитком ижемцев стал чай. С этого времени чаепитие являлось неотъемлемой частью почти каждой трапезы. В качестве заварки применялся натуральный чай, но нередко использовался сушеный березовый наплыв, дающий густой навар.

В общем, этнографическое своеобразие ижемцев было настолько значительным, что в прошлом их нередко считали как бы особым народом, во всем, даже в диалекте и самоназвании, отличным от вологодских зырян.

***

Коми-зырянская часть верхней Мезени и Вашки – Удора – должна быть также выделена в особый этнографический район края Коми⁹. Основанием для такого выделения является не только изолированность Удоры от остальных районов коми, но и некоторые отличия в историческом развитии, диалекте, этнических связях, в хозяйстве и культуре.

Отрезанная от Вычегды труднопреодолимыми водоразделами, лесами и болотами Удора, напротив имела свободный выход по рекам, а зимой и по толочным трактам в русское Поморье. Поэтому удорские коми всегда имели более тесные связи с русскими поморами, нежели с вычегдскими коми. Это, в частности, отразилось в их говоре, изобилующем русскими заимствованиями, а также в материальной культуре и идеологии. Старообрядчество,

⁹ Мне лично не довелось провести этнографического обследования Удоры, поэтому пользуюсь работами В. Н. Белицер «Очерки по этнографии народов Коми» и «Этнографические работы в Удорском районе Коми АССР» («Краткие сообщения Института этнографии», вып. XIX, 1953); а также некоторыми сведениями Л. Н. Жеребцова (прим. Л. П. Лашука).

распространившееся среди удорцев в XIX в., пришло именно из Поморья.

Удорские коми считались крестьянами, но земледельческое хозяйство у них было развито слабо. Небольшие посевы ячменя и ржи ютились подле деревень у самого берега реки. Земледелие практиковалось подсеčno-огневое и трехпольное пашенное. Под русским влиянием в начале XX в. распространялись усовершенствованные пашенные орудия – одноплемная косуля, плуг на деревянной основе с колесным передком, борона с железными зубьями, сушка снопов в ригах.

Большое значение имело скотоводство, которое еще в дореформенный период стало приобретать мелкотоварный характер. В прошлом столетии на Мезени возникло оленеводство. Однако, не в пример ижемцам, удоряне держали только лесных оленей, и притом в небольшом количестве.

Значительно были развиты охотничий и рыболовный промыслы, продукты обычно служили эквивалентом покупаемому на ярмарках хлебу. Удорские отходники работали на северодвинском водном пути, в Архангельске, заготавливали лес и сплавляли плоты, но образом были известны как профессиональные коновалы, обслуживавшие почти весь край Коми.

Преобладающим типом удорского поселения являлась небольшая деревня в несколько десятков дворов. Немногие крупные села (Кослан, Глотова, Ёртом, Важгорт) представляли собой поселения гнездового типа с центром в старинном погосте. Планировка селений была беспорядочной или, в лучшем случае, прибрежно-рядовой. Дома большей частью одноэтажные, с высоким подпольем.

Сильное русское влияние в домостроительстве нашло свое выражение в том, что на Удоре раньше, чем, например, на верхней Вычегде, трехраздельный дом (керка – сени – кум) с односкатной крышей и печным окошком стал сменяться таким же домом, но с двухскатным покрытием и печкой, направленной устьем к боковому окошку, или домом-двойней, состоящим из двух самостоятельных срубов, вплотную примыкающих друг к другу, под самостоятельными односкатными крышами, сходящимися гребнями, со входом через общие сени с боковой стороны. Некоторое распространение получили дома со средней горницей (с «жиром»), иногда двухэтажные. Совершенно новым типом были поморские пятистенки на высоком подполье. Вообще, чем ниже по Мезени и Вашке, тем чаще встречались одно – и двухэтажные постройки русского поморского типа.

В свою очередь, удорская одежда по материалу, покрою и терминологии была близка одежде русского населения Архангельской губернии. Женщины носили длинные рубахи и косоклинные сарафаны, подпоясанные узорным пояском. Типичной горничной одеждой был «кунтэй» – сарафан из синей набойки. Праздничным считался косоклинный «штофник» из тяжелой покупной материи, по покрою родственный сарафану – «китайке». Головной убор замужней женщины был близок ижемскому, но удорянки носили не «повойник», а мягкую «сороку», покрытую шелковым платком, или «земчуг» – нарядный убор с бисерным очельем типа кокошника.

Исследования В. Н. Белицер показывают, что многие бытовые предметы, встречаемые на Удоре (прялки, швейки, расписные короба и резные крашенные дуги), аналогичны по форме и орнаментике к таким же русским изделиям. Бытовая утварь приобреталась удорцами на ярмарках у русских торговцев или же изготовлялась на месте по русским образцам.

***

На юге края Коми отчетливо выделялся Прилузско-Летский этнографический район, вплотную примыкающий к Устюжской и Вятской русским землям, но отдаленный от основной части 40-километровым Кибринским волоком.

Расположение на оживленном вятско-устюжском торговом пути, ранее развитие товарного хозяйства и тесные этнокультурные связи здешних коми с русскими соседями – все это, вместе взятое, способствовало тому, что данный район значительно ушел вперед в развитии материально-бытовых форм по сравнению с другими районами коми. В этнографическом отношении Прилузье и Летка в большей степени примыкали к Волго-Камью, нежели к Северо-Восточной историко-этнографической подобласти.

Как и в соседнем Волго-Камье, главным занятием населения Прилузья было сельское хозяйство. С давних пор здесь в местах, пригодных для посевов и сенокосения, на больших площадях были сведены леса, производилась распашка и расчистка пожен. Хотя все прилузско-летские селения расположены вдоль рек, но связь их с водой относительна, так как основное внимание крестьяне уделяли разработке новин, не только на коренных берегах, но и в глубине водоразделов. В Лойме существовало даже специальное выражение «деревня у пашни» для обозначения земледельческих починков.

Преобладающей системой земледелия было трехполье с элементами травопольного севооборота. Расширение посевного клина производилась за счет разработки «новин» по методу подсеки. Но если обычная коми-зырянская подсека («тыла») использовалась под озимой ржи только одни – реже два года, то «новинка» при повторном выжигании засеивалась рожью и на другой год, а на третий год, после удаления с поля пней и корней и распашки, превращалась в полевой участок, входивший в общий трехпольный оборот. Для посева льна и репы использовались «кулиги» («пальники») – небольшие по площади однопольные подсеки.

Прилузско-летские крестьяне гораздо раньше вычегжан и сысоличей стали переходить от традиционной сохи к вятской косуле, а затем к плугу с широким отвалом и ножом. По словам А. М. Мартюшева, в 1900-х годах «в Прилузье исключительно пользуются вятскими косулями» [35].

Среди хлебных культур главное место занимала озимая рожь, затем ячмень, овес и в небольших размерах пшеница. Значительное развитие получило льноводство, в основном для собственных нужд, но нередко с отпуском семян и кудели на сторону. Издавна выращивались различные овощи. С середины XIX в. развивается картофелеводство.

Скотоводческое хозяйство прилузско-летских коми преимущественно обслуживало потребности земледелия. Скота держали много, но коровы и лошади были низко породными и малопродуктивными. В отличие от северных коми, здешние крестьяне издавна разводили свиней и домашнюю птицу.

Напротив, значение охоты и рыболовства на юге края Коми резко снижалось. Пушной промысел играл подсобную роль в хозяйстве лишь крестьян. Большинство местных жителей в поисках заработка обращалось к лесозаготовкам и сплаву, заготовкам березовой скалы, липового и ивового корья, к извозному промыслу, строительству речных судов для сплава вятских товаров с Ношульской пристани. Практиковалось отходничество в Вятско-Камский край. В целом же Приуралье и в начале XX в. оставалось типично земледельческим районом, куда постоянно наведывались бродячие ремесленники со стороны.

Для описываемого района были характерны крупные населенные пункты, состоящие из слившихся воедино деревень или концов. Планировка селений – законченная уличная, лишь кое-где встречались элементы прежнего рядового и беспорядочного расположения жилых построек. Почти во всех селениях перед домами и на усадьбах было много древесной растительности.

В Прилузье и особенности на Летке получила развитие своеобразная, в других коми-зырянских районах не встречающаяся, форма соединения жилых и хозяйственных построек. На Летке под русским влиянием стала обычной единая связь не только жилого дома с двухярусным скотным двором, но и примыкающий к ним сбоку односкатной пристройки – по-местному, «улич» (вятская «ограда»). Улич строили из плах или горбылей. На лицевой его стороне, обращенной на улицу, находились двухстворчатые ворота с калиткой. В дом и в хлев можно было попасть только через этот вход. Внутри улича у стен складывались дрова, телеги, сани, инвентарь, здесь же находились колодец и погреб. В летнее время в уличе ночевал скот. Таким образом, для Летки был типичен не только замкнутый, но и закрытый двор. В Прилузье наподобие улича устраивался «санник», но меньшего размера: он примыкал только к хлеву, оставляя свободным вход в дом через обычное крыльцо.

Еще в начале пореформенного периода, по-видимому, для всего описываемого района было характерно трехраздельное жилище, состоящее из зимней и летней небольших изб, с разделяющими их сенями, сложившееся на основе старинной курной избы с холодной клетью («кумом») под односкатной крышей. Во всяком случае, жилище этого бытовали в Прилузье и после Октябрьской революции.

В дальнейшем развитие местного домостроительства пошло по линии усовершенствования такого дома или путем замены его новейшими разновидностями жилых построек, заимствованными от устюжан и вятчан. В Прилузье появились дома-двойни (как на Удоре и в с. Кибре, на полпути между Сысолой и Лузой); дома-четырёхстенки с зимней избушкой, пристроенной перпендикулярно к летнему дому; дома со средней горницей («жиром»).

Позднее стали строить дома-пятистенки и крестовики. На летке распространились два основных типа жилого дома: однокамерная изба средних размеров с сенями, двором, клетью в верхнем ярусе двора и улицем, со стропильной двухскатной крышей с залобком; и такого же устройства дом, но с дополнительной горенкой сбоку избы.

Интересно отметить, что там, где сильные проявлялось русское влияние, а именно на Летке, чаще встречались элементы декоративного оформления жилища в виде резьбы на фронтонах, наличниках, столбах ворот и калиток, а также светелочных с точеными балясинами. На Сысоле такие украшения встречались изредка, а на Вычегде и Печоре совершенно отсутствовали.

Своеобразные черты обнаруживались и в народной одежде Прилуко-Летского района, главным образом в женском костюме. Как и в других местах, основу этого костюма составлял сарафанный комплекс. Важнейшая его часть – рубаша из тонкого холста издавна имела широкие, собранные у запястья рукава (по-местному, «рубаша с манжетами и зарукавцами»). Некогда она украшалась тканым узором, который, однако, был вытеснен простой вышивкой красной и черной ниткой по вороту, нагрудному разрезу, манжетам и оплечьям. Праздничная рубаша уже в 1870-х годах шилась из фабричной ткани – ситца и кумача¹⁰.

Долгое время бытовали различные косоклинные сарафаны – повседневная из синего холста «синюжа», набоечный «дубас», пестрядный «сушун» или «шушун», праздничный из фабричной ткани «кумачник», нарядная, украшенная вышивкой, тесьмой и пуговицами «китайка». Все эти разновидности сарафана носились не на лыжах, а на широких проймах. Но довольно рано стали употребляться сарафаны прямого покроя на коротких и длинных ляшках. К их числу относится собственно «сарафан» или «көрём сарафан» – широкий и длинный, собранный ниже талии в широкие складки. Накануне революции распространяются сарафаны с лифтом, сшитые обычно из яркой ткани фабричной выработки.

Вместе с сарафаном носили передники: на Летке обязательно цветастые, в Прилузье всегда белые, украшенные по подолу широкой полоской вышивки и кружевами. Непременной принадлежностью праздничного костюма были широкие разноцветные пояса с пышными кистями, завязанные узлом на боку или сзади. Кофты и юбки стали сменять сарафанный комплекс незадолго до революции.

Головным убором девушек по праздникам и накануне свадьбы был «головедец», т.е. головной венец, представлявший собой плотный обруч, украшенный шитьем или бисером с ниспадающими назад лентами. Замужние женщины носили особую прическу – «куколь» в виде заплетенных в две косы и собранных надо лбом в пучок волос. Для того, чтобы куколь был повыше, под него подкладывали специальный обруч. Поверх коколя повязывался небольшой красный платочек – «русака». С давних пор прилуко-летские женщины отличались от остальных коми-зырян тем, что носили настоящую «сороку», со-

стоящую из центрального полотнища и более узких боковых крыльев. Сорока украшалась богатым тканым узором или вышивкой.

Другие элементы женской одежды, а также целиком мужской костюм населения данного района принципиально ничем не отличался от вычегодско-сысольской одежды. Можно отметить только рабочую одежду обоих полов «дёра малич» (холщевая малица), по покрою сходную с уже описанным выше «дубником». Наряду с кожаной и валяной обувью лузьяне носили также лыковые и березовые лапти.

***

Вышеизложенный материал даже при всей его краткости достаточно отчетливо рисует наличие многочисленных локальных различий в культуре и быту коми-зырянского народа на рубеже XIX–XX вв., что и позволило автору выделить несколько этнографических районов. Но следует подчеркнуть, что, несмотря на эти различия и сравнительно слабые внутриобластные связи, коми-зырянский народ представлял собой этническое единство, которое при капитализме, однако, не развилось в прочную национальную общность.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

1. Личное дело Лашука Л. П. // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1. Оп. 19. Д. 409. 58 л.
2. Миронова, Н. П. Л. П. Лашук: от этнической истории к исторической социологии / Н. П. Миронова, В. В. Карлов // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. – 2019. – № 4. – С. 72–80.
3. Алексеев, В. П. Н. Н. Чебоксаров / В. П. Алексеев, Г. Г. Стратанович // Советская этнография. – 1967. – № 3. – С. 125–126.
4. Аксянова, Г. А. Вклад Н. Н. Чебоксарова в антропологию / Г. А. Аксянова, А. П. Пестряков. // Этнографическое обозрение. – 2009. – № 6. – С. 100–114.
5. Чебоксаров, Н. Н. Этногенез коми по данным антропологии / Н. Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1946. – № 2. – С. 51–80.
6. Жеребцов, Л. Н. Современное жилище народа коми / Л. Н. Жеребцов // НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 28. 285 л.
7. Жеребцов, И. Л. Любомир Николаевич Жеребцов / И. Л. Жеребцов, Ю. П. Шабаев. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. – 50 с.
8. Личное дело Воздвиженской О. Н. // НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 19. Д. 268. 37 л.
9. Воздвиженская, О. Н. О некоторых вопросах этнографического изучения колхозного крестьянства / О. Н. Воздвиженская, Л. П. Лашук // Советская этнография. – 1952. – № 1. – С. 149–153.
10. Жеребцов, И. Л. Этнограф Л. П. Лашук (биографический очерк) / И. Л. Жеребцов // Очерки по истории изучения этнографии коми. – Сыктывкар, 2007. – С. 108–119.

¹⁰ Л. П. Лашук ссылается на материалы ЦГА Коми АССР (совр. Национальный архив Республики Коми), указывая такие данные: Ф. 64. Оп. 1. Д. 28. Л. 50; Д. 60. Л. 10 и др.

11. Жеребцов, И. Л. Историко-этнографическая командировка Л. П. Лашука 1956 года на верхнюю Вычегду (к 100-летию со дня рождения ученого) / И. Л. Жеребцов, В. А. Саблин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «История и филология». – 2025. – № 8 (84). – С. 137–150.
12. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Материалы к этнической истории сысольских коми (из отчета Сысольской этнографической экспедиции Коми филиала АН СССР 1958 г.) / сост.: И. Л. Жеребцов, Л. Я. Канева // Историческая демография. – 2020. – № 2. – С. 52–70.
13. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Материалы к средневековой истории сысольских коми (из отчета Сысольской этнографической экспедиции Коми филиала АН СССР 1958 года) / сост.: И. Л. Жеребцов, Л. Я. Канева // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2021. – № 4. – С. 94–97.
14. Лашук, Л. П. Научный отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов // Научный архив ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 48. 151 л.
15. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Отчет Прилузской этнографической экспедиции 1959 г. Материалы к этнической истории / сост.: И. Л. Жеребцов, Л. Я. Канева // Историческая демография. – 2021. – № 1. – С. 57–74.
16. Научное наследие. Лашук Л. П., Жеребцов Л. Н. Материалы по хозяйственному укладу населения Прилузья (из отчета Прилузской этнографической экспедиции 1959 года) / сост.: И. Л. Жеребцов, В. А. Саблин, Л. Я. Канева // Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «История и филология». – 2023. – № 1. – С. 224–230.
17. Карлов, В. В. Лев Павлович Лашук / В. В. Карлов // Советская этнография. – 1991. – № 6. – С. 149–152.
18. Карлов, В. В. Лев Павлович Лашук / В. В. Карлов // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 3. – С. 3–6.
19. Жеребцов, И. Л. Всегда в строю, всегда в бою / И. Л. Жеребцов, М. В. Таскаев, Н. В. Мельникова. – Сыктывкар, 2018. – 242 с.
20. Жеребцов, И. Л. Лашук Лев Павлович / И. Л. Жеребцов // Ученые Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2000. – С. 101–103.
21. Жеребцов, И. Л. Лашук Лев Павлович / И. Л. Жеребцов // Ямал: энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард, 2004. – Т. 2. – С. 93.
22. Савельева, Э. А. Лев Павлович Лашук / Э. А. Савельева // Вестник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 2005. – № 2. – С. 25–27.
23. Жеребцов, И. Л. Лашук Лев Павлович / И. Л. Жеребцов, Ю. П. Шабаяев // Республика Коми: энциклопедия. – Сыктывкар, 1999. – Т. 2. – С. 190.
24. Миронова, Н. П. Комплексный метод в исследованиях этнографии коми Л. П. Лашука (1925–1990 гг.) / Н. П. Миронова // Взгляд молодых ученых. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2017. – С. 221–229.
25. Алексеев, В. П. Максим Григорьевич Левин — антрополог, этнограф, организатор науки / В. П. Алексеев // Советская этнография. – 1984. – № 6. – С. 65–77.
26. Герасимова, М. М. Максим Григорьевич Левин (1904–1963) – антрополог и этнограф, исследователь народов Сибири и Дальнего Востока / М. М. Герасимова, С. В. Васильев // Universum Humanitarium. – 2016. – № 2. – С. 120–132.
27. Лашук, Л. П. Принципы историко-этнографического районирования Коми АССР / Л. П. Лашук // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. – Вып. 6. – С. 97–105.
28. Жеребцов, Л. Н. Этнографический уклад населения Верхней Вычегды / Л. Н. Жеребцов, Л. П. Лашук // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. – Вып. 5. – С. 53–98.
29. Лашук, Л. П. Научный отчет о работе Сысольского этнографического отряда в 1958 году / Л. П. Лашук, Л. Н. Жеребцов // НА ФИЦ Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 37. Л. 117–176.
30. Очерки общей этнографии / под ред.: С. П. Толстова [и др.]. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 343 с.
31. Абрамов, В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт / В. Абрамов // Вологодские губернские ведомости. – 1859. – № 49.
32. Белицер, В. Н. Очерки по этнографии народов коми / В. Н. Белицер. – М., 1958. – С. 265.
33. Голицын, Н. Д. Записки по образованию Печорского края летом 1887 года / Н. Д. Голицын. – Архангельск, 1888. – С. 22.
34. Мартынов, С. В. Печорский край / С. В. Мартынов. – СПб., 1904. – Ч. II. – С. 26.
35. Мартюшев, А. М. Краткий очерк кустарных промыслов населения Устьсысольского уезда / А. М. Мартюшев. – Вятка, 1904. – С. 25.

References

1. Lichnoe delo L. P. Lashuka [Personal file of L. P. Lashuk] // Scientific Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 19. D. 409. 58 l.
2. Mironova, N. P. L. P. Lashuk: ot etnicheskoi istorii k istoricheskoi sociologii [L. P. Lashuk: from ethnic history to historical sociology] / N. P. Mironova, V. V. Karlov // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – 2019. – No. 4. – P. 72–80.
3. Alekseev, V. P. N. N. Cheboksarov / V. P. Alekseev, G. G. Stratanovich // Soviet ethnography. – 1967. – No. 3. – P. 125–126.
4. Aksyanova, G. A. Vklad N. N. Cheboksarova v antropologiyu [Contribution of N. N. Cheboksarov to anthropology] / G. A. Aksyanova, A. P. Pestryakov // Ethnographic review. – 2009. – No. 6. – P. 100–114.
5. Cheboksarov, N. N. Etnogenez komi po dannym antropologii [Ethnogenesis of the Komi based on anthropological data] / N. N. Cheboksarov // Soviet ethnography. – 1946. – No. 2. – P. 51–80.

6. Zherebtsov L. N. Sovremennoe zhilische naroda [Modern dwelling of the Komi people] / L. N. Zherebtsov // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 13. D. 28. 285 l.
7. Zherebtsov, I. L. Lyubomir Nikolaevich Zherebtsov / I. L. Zherebtsov, Yu. P. Shabaev. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 1996. – 50 p.
8. Lichnoe delo Vozdvizhenskoj O. N. [Personal file of O. N. Vozdvizhenskaya] // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 19. D. 268. 37 l.
9. Vozdvizhenskaya, O. N. About some questions of ethnographic study of the collective farm peasantry / O. N. Vozdvizhenskaya, L. P. Lashuk // Soviet ethnography. – 1952. – No. 1. – P. 149–153.
10. Zherebtsov, I. L. Etnograf L. P. Lashuk (biograficheskii ocherk) [Ethnographer L. P. Lashuk (biographical sketch)] / I. L. Zherebtsov // Essays on the history of the study of Komi ethnography. – Syktyvkar, 2007. – P. 108–119.
11. Zherebtsov, I. L. L. P. Lashuk's historical and ethnographic trip to the Upper Vychegda in 1956 (to the 100th birth anniversary of the scientist) / I. L. Zherebtsov, V. A. Sablin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "History and Philology". – 2025. – No. 8. – P. 137–150.
12. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materialy k etnicheskoi istorii sysolskih komi (iz otcheta Sysolskoi etnograficheskoi ekspedicii Komi filiala AN SSSR 1958 g.) [Scientific heritage. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materials on the ethnic history of the Sysola Komi (from the report of the Sysola ethnographic expedition of the Komi Branch, USSR Academy of Sciences in 1958)] / Comps. I. L. Zherebtsov, L. Ya. Kaneva // Historical Demography. – 2020. – No. 2. – P. 52–70.
13. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materialy k srednevekovoi istorii sysolskih komi (iz otcheta Sysolskoi etnograficheskoi ekspedicii Komi filiala AN SSSR 1958 goda) [Scientific heritage. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materials on the medieval history of the Sysola Komi (from the report of the Sysola ethnographic expedition of the Komi Branch, USSR Academy of Sciences in 1958)] / Comps. I. L. Zherebtsov, L. Ya. Kaneva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series "History and Philology". – 2021. – No. 4. – P. 94–97.
14. Lashuk, L. P. Otchet Priluzskoi etnograficheskoi ekspedicii 1959 g. [Report of the Priluzye ethnographic expedition of 1959] / L. P. Lashuk, L. N. Zherebtsov // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 13. D. 48. 151 l.
15. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Otchet Priluzskoi etnograficheskoi ekspedicii 1959 g. Materialy k etnicheskoi istorii [Scientific heritage. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Report of the Priluzye ethnographic expedition of 1959. Materials on ethnic history] / Comps. I. L. Zherebtsov, L. Ya. Kaneva // Historical Demography. – 2021. – No. 1. – P. 57–74.
16. Nauchnoe nasledie. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materialy po hopzyaistvennomu ukladu naseleniya Priluzya (iz otcheta Priluzskoi etnograficheskoi ekspedicii 1959 goda) [Scientific heritage. Lashuk L. P., Zherebtsov L. N. Materials on the economic structure of the population of the Priluzye region (from the report of the Priluzye ethnographic expedition of 1959)] / Comps. I. L. Zherebtsov, V. A. Sablin, L. Ya. Kaneva // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. Series «History and Philology». – 2023. – No. 1. – P. 224–230.
17. Karlov, V. V. Lev Pavlovich Lashuk / V. V. Karlov // Soviet ethnography. – 1991. – No. 6. – P. 149–152.
18. Karlov, V. V. Lev Pavlovich Lashuk / V. V. Karlov // Ethnographic review. – 2001. – No. 3. – P. 3–6.
19. Zherebtsov, I. L. Vsegda v stroyu, vsegda v boyu [Always in the ranks, always in battle] / I. L. Zherebtsov, M. V. Taskaev, N. V. Melnikova. – Syktyvkar, 2018. – 242 p.
20. Zherebtsov, I. L. Lashuk Lev Pavlovich / I. L. Zherebtsov // Scientists of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – Syktyvkar: Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS, 2000. – P. 101–103.
21. Zherebtsov, I. L. Lashuk Lev Pavlovich / I. L. Zherebtsov // Yamal. Encyclopedia of the Yamal–Nenets Autonomous Region. – Salekhard, 2004. – Vol. 2. – P. 93.
22. Savelyeva, E. A. Lev Pavlovich Lashuk / E. A. Savelyeva // Bull. of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. – Syktyvkar, 2005. – No. 2. – P. 25–27.
23. Zherebtsov, I. L. Lashuk Lev Pavlovich / I. L. Zherebtsov, Yu. P. Shabaev // The Komi Republic. Encyclopedia. – Syktyvkar, 1999. – Vol. 2. – P. 190.
24. Mironova, N. P. Kompleksnyj metod v issledovaniyah etnografii komi L. P. Lashuka (1925–1990 gg.) [An integrated method in the research of Komi ethnography by L. P. Lashuk (1925–1990)] / N. P. Mironova // The view of young scientists. – Novosibirsk: Novosibirsk State Univ. Publ., 2017. – P. 221–229.
25. Alekseev, V. P. Maksim Grigoryevich Levin – antropolog, etnograf, organizator nauki [M. G. Levin – anthropologist, ethnographer, organizer of science] / V. P. Alekseev // Soviet ethnography. – 1984. – No. 6. – P. 65–77.
26. Gerasimova, M. M. Maksim Grigoryevich Levin (1904–1963) – antropolog i etnograf, issledovatel' narodov Sibiri i Dalnego Vostoka [M. G. Levin – anthropologist and ethnographer, researcher of Siberia and the Far East] / M. M. Gerasimova, S. V. Vasilyev // Universum Humanitarium. – 2016. – No. 2. – P. 120–132.
27. Lashuk, L. P. Principy istoriko-etnograficheskogo rajonirovaniya Komi ASSR [Principles of historical and ethnographic zoning of the Komi ASSR] / L. P. Lashuk // Proc. of the Komi Branch of Geographical Society of the USSR. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1960. – Issue 6. – P. 97–105.
28. Zherebtsov, L. N. Etnograficheskii uklad naseleniya Verhnei Vychegdy [The ethnographic way of life of the Upper Vychegda population] / L. N. Zherebtsov, L. P. Lashuk // Historical and philological collection. – Syktyvkar: Komi Book Publ. House, 1960. – Issue 5. – P. 53–98.
29. Lashuk, L. P. Nauchnii otchet o rabote Sysolskogo etnograficheskogo otryada v 1958 godu [Scientific report on the work of the Sysola ethnographic group in 1958] /

- L. P. Lashuk, L. N. Zherebtsov // Sci. Archive of the Komi Science Centre, Ural Branch, RAS. F. 1. Op. 13. D. 37. L. 117–176.
30. Ocherki obschej etnografii [Essays of the general ethnography] / Ed. S. P. Tolstov [et. al]. – Moscow: USSR Ac. Sci. Publ., 1957. – 343 p.
31. Abramov, V. Zhiteli Yarehskogo uezda i ih hozyajstvennyj byt [Inhabitants of Yarensk Uyezd and their household life] / V. Abramov // Vologda Provincial Gazette. – 1859. – No. 49.
32. Belitser, V. N. Ocherki po etnografii narodov komi [Essays on the ethnography of the Komi people] / V. N. Belitser. – Moscow, 1958. – P. 265.
33. Golitsyn, N. D. Zapiski po obrazovaniju Pecorskogo kraja letom 1887 goda [Notes on the formation of the Pechora Region in the summer 1887] / N. D. Golitsyn. – Arkhangel'sk, 1888. – P. 22.
34. Martynov, S. V. Pecorskij kraj [Pechora region] / S. V. Martynov. – St. Petersburg, 1904. – Part II. – P. 26.
35. Martyushev, A. M. Kratkij ocherk kustarnyh promyslov naseleniya Ust-Sysolskogo uezda [A brief sketch of the handicrafts of the population of the Ust-Sysolsk Uyezd] / A. M. Martyushev. – Vyatka, 1904. – P. 25.

Благодарность (госзадание):

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.

Acknowledgements (state task):

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS.

Информация об авторах:

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, ORCID: 0000-0002-7115-4547 (167023, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Саблин Василий Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета, ORCID: 0000-0003-4639-3981 (160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: sablin@inbox.ru).

Тяпин Игорь Никифорович – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры философии Вологодского государственного университета, ORCID: 0000-0003-0896-590X (160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: i.n.tyapin@mail.ru).

Authors:

Igor L. Zherebtsov – Dr. Sci. (History), Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0002-7115-4547 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar 167023, Russian Federation; e-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru).

Vasily A. Sablin – Dr. Sci. (History), Head of the Department of General History and World Politics at the Institute of Social Sciences and Humanities of Vologda State University, ORCID: 0000-0003-4639-3981 (15, Lenin st., Vologda 160000, Russian Federation, e-mail: sablin@inbox.ru).

Igor N. Tyapin – Dr. Sci. (Philosophy), Cand. Sci. (History), Professor of the Department of Philosophy, Vologda State University, ORCID: 0000-0003-0896-590X (15, Lenin st., Vologda 160000, Russian Federation; e-mail: i.n.tyapin@mail.ru).

Для цитирования:

Жеребцов, И. Л. Л. П. Лашук: становление ученого (к столетию со дня рождения) / И. Л. Жеребцов, В. А. Саблин, И. Н. Тяпин // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2025. – № 9 (85). – С. 115–134.

For citation:

Zherebtsov, I. L. L. P. Lashuk: becoming a scientist (to the 100th birth anniversary) / I. L. Zherebtsov, V. A. Sablin, I. N. Tyapin // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical Demography». – 2025. – No. 9 (85). – P. 100–114.

Дата поступления статьи: 17.11.2025

Прошла рецензирование: 01.12.2025

Принято решение о публикации: 05.12.2025

Received: 17.11.2025

Reviewed: 01.12.2025

Accepted: 05.12.2025